Сентябрь — 1929. № 9 Цена 15 сентов.

A 2022

PROBUZHDENIE

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Голос из могилы .... Передовая статья
Преследования анархистов в СССР
Обращение к международному пролетариату по поводу новой опасности войны
Сакко и Ванцетти (Стихотворение) .... Х. Т. Тсианг
Ванцетти о своем собственном деле
Массачузеттс — убийца .... "Нэйшон"
О великом могильщике—государстве и его жертвах .... Анатоль Консе
Религия и наука, их спор и спорщики .... Н. А. Рубакин
Петрашевцы .... А. С. Пастухов
Вечный бунт (Стихотворение) .... Анатоль Консе
Наша междоусобица и разногласия .... М. Сук
Мелкие заметки и сообщения

Я 2022

54-6263.

ПРОБУЖДЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

ИЗДАНИЕ РУССКИХ ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 9. СЕНТЯБРЬ, 1929.

ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ

„Мы гордимся смертью, и погибнем, как все анархисты гибнут...
Мы всегда знали, что губернатор Фуллер, Тайер и Кацман — убийцы."

Никола Сакко.

Два года назад, 22 августа 1927 года, в Чарлестонской тюрьме, в штате Массачузетс, были казнены два итальянских анархиста Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти.

Их сожгли на электрическом стуле в полночь, в присутствии только небольшой группы лиц — оффициальных свидетелей.

Почтенные господа Тайер, Фуллер, Ловелл и другие, пославшие свои

жертвы на казнь, не были свидетелями этого ужасного зрелища. Палаческую работу выполнили наемные слуги буржуазии.

Слова этих двух жертв в последние моменты их жизни не скоро будут позабыты.

Первым умер Сакко. Сидя на электрическом стуле, перед тем как испустить свой дух, он мужественно воскликнул:

— Да здравствует анархия!

— Прощайте, моя жена, мальчик и все мои друзья.

Обращаясь к свидетелям, он сказал:

— Покойной ночи, господа...

— Прощай, мать...

Следовавший за ним Ванцетти, поблагодарив начальника тюрьмы, обратился к присутствовавшим с следующими словами:

« Я хочу сказать вам, что я невиновен, и что я никогда не совершал никакого преступления, но иногда грешил. Я невиновен ни в каких преступлениях, ни в этом, ни в других. Я неповинный человек... Я желаю простить некоторых людей за то, что они теперь делают мне».

———о———

В последний день перед казнью были предприняты чрезвычайные усилия с целью убедить губернатора Фуллера в необходимости дальнейшей отсрочки казни. К нему являлись одна делегация за другой. Его засыпали тысячами телеграмм и каблеграмм со всех концов света. Он всем отвечал неизменными словами: «Ничего не могу сделать. Должен исполнить закон».

Судья Тайер, хваставший, вне суда, перед своими знакомыми, что он «покажет этим анархистам - бродягам», тоже прикрыл именем закона свой акт мести. Высказанное в начале судебного процесса старшиной присяжных заседателей мнение о том, что «Сакко и Ванцетти во всяком случае должны быть повешены» было подхвачено буржуазной печатью и разнесено по всей стране. Американское буржуазное общественное мнение было отравлено и предубеждено против двух иностранцев-анархистов, подрывающих устои капиталистического строя.

При подобном враждебном настроении к обвиняемым не могло быть речи о беспристрастном отношении к делу со стороны присяжных заседателей. Они разделяли всеобщее предубеждение против обвиняемых, и приступили к делу с заранее предвзятым мнением.

Ответственность за массачузетское убийство падает на все американское буржуазное общество. Оно не только желало, но рукоплескало и засыпало губернатора Фуллера поздравлениями по поводу его решения убить Сакко и Ванцетти.

Это решение высшим американским светом было встречено с триумфом и ликованием. Массачузетский епископ Вильям Лоренс писал губернатору Фуллеру:

«Я уверен в том, что вы позволите мне выразить вам мое восхищение по поводу того, как вы исполнили ваш долг в деле Сакко и Ванцетти. Вы были мудры, терпеливы, держались с достоинством и мужеством, как того требовали лучшие традиции власти».

Служитель алтаря холопски бьет челом губернатору - убийце и восхищается его преступным поступком. Может ли быть зрелище омерзительнее восхваления убийства тем, кто призван напоминать людям о братской любви и стоять на страже заповеди: «Не убий»?

А вот что писал губернатору Фуллеру глава Американского Легиона штата Иллинойс, Ферре К. Ваткинс:

«Вместо приспособления судебной процедуры так, чтобы не обижать радикалов (речь шла о назначении пересмотра дела) лучше всего было бы — если в этом встретится надобность — для американских мужественных и бесстрашных людей выступить на защиту американских установлений с винтовками в руках и пулеметами».

Кровожадный джингоист с оружием в руках готов защищать американские установления, посылающие на казнь хотя бы и неповинных людей!..

———o———

Сакко и Ванцетти были анархисты, боровшиеся против капиталистического общества, стремившиеся к лучшему, безвластному строю, без виселиц, казней, убийств и правителей. Они хотели видеть порабощенный класс трудящихся свободным от капиталистической эксплоатации. В письме к маленькой своей дочери Сакко писал:

«Сгустившиеся тучи над классом трудящихся очень опечалили душу твоего отца».

За несколько часов перед смертью Сакко писал своему сыну Данте:

«Никогда не увлекайся исключительно заботами о себе; оглянись вокруг себя и помоги слабому, кричащему о помощи; помогай преследуемым и жертвам, потому что — они лучшие друзья; они — товарищи, которые борятся и гибнут, как твой отец и Бартоло боролись и погибли вчера за завоевание свободы для всех бедняков-трудящихся. В этой борьбе ты найдешь больше счастья и будешь любим».

Нельзя не вспомнить замечательных слов, с которыми Ванцетти обратился к пославшему его на казнь судье Тайеру:

«Если бы не это дело, я прожил бы мою жизнь, беседуя на уличных углах с недовольными людьми. Я мог бы умереть незаметным, неизвестным, неудачником. Теперь же мы — не неудачники. Это наша карьера и наш триумф. Никогда в нашей обычной жизни мы не могли бы надеяться сделать столько для дела толерантности, справедливости, взаимопонимания людей, как это произошло теперь благодаря случайности. Наши слова — наши жизни, — наши мучения — ничто! Лишение нас жизни — доброго сапожника и бедного рыботорговца — все! Этот последний момент принадлежит нам; эта агония — наш триумф».

———o———

В заключение надо сказать несколько слов в связи с отрытием новых обстоятельств по делу Сакко и Ванцетти. Губернатор Фуллер очень спешил с окончанием этого дела. Он не без оснований боялся, что защите в конце концов удастся напасть на след подлинных виновников двух преступлений, в совершении которых были обвинены Сакко и Ванцетти. Оба преступления — Бриджвотерское ограбление и Саут--Брентрийское ограб-

ление с убийством, — были совершены шайками уголовных профессиональных бандитов.

В уголовном подпольном мире прекрасно знали об этом, и считали Сакко и Ванцетти жертвами полицейско-судебного фреймирования (пришитие чужого преступления неповинному человеку).

Произведенным в прошлом году американским журналом «Аутлук» расследованием было установлено, что Бриджвотерское покушение на ограбление было произведено не Ванцетти, а шайкой профессиональных грабителей, в состав которой входили: Гинеа Оатес, Догги Бруно, Джо Самарко и Франк Сильва. Некоторые из этих лиц свои сознания сделали под присягой.

Незадолго перед казнью Сакко и Ванцетти, знавший об этом деле Джеймс Мид рассказал об этом преступлении губернатору Фуллеру, назвав имена его участников. Фуллер, решивший уже казнить находившиеся в его руках жертвы, запугал Мида полицией и тот заколебался, встретив к себе враждебное отношение со стороны губернатора.

Мид, однако, поборов одолевавший его страх, сделал вторичную попытку раскрыть преступление, явившись с этой целью к полицеймейстеру, который отказался принять его заявление только потому, что оно могло-бы помешать назначенной казни, а это было нежелательно губернатору.

Сакко и Ванцетти не имели никакого отношения к Саут-Брейнтрийскому преступлению. Это преступление было совершено шайкой Медейрос—Морелли.

Массачузетские власти подстроили все это дело, ошельмовали беспорочных людей, и послали их на эшафот только потому, что они были анархисты, подрывавшие устои буржуазного общества.

Их казнь, однако, никого не запугала, и только открыла миллионам людей глаза на мстительность, пристрастность и несправедливость буржуазных судов и учреждений, существующих для того, чтобы преследовать и казнить ни в чем неповинных людей.

Сакко и Ванцетти войдут в историю революционной борьбы, как мученики и страстотерпцы, мужественно погибшие в борьбе за торжество грядущего безвластия и свободы.

Анархия — это независимость, страстное стремление к свободе.
Анархия — это уничтожение власти и чиновничества, произвола и насилия.
Анархия — это товарищество, индивидуальность и самостоятельность.
Анархия — это очаг невинности и семейного счастья.
Анархия — это гордость, непреклонность и независимость.
Анархия — это воплощение человека, радость жизни, свобода мысли, торжество личности.
Анархия — это гармоническое развитие человека.
Анархия — это жизнь и движение.
Анархия — это жизнь труда, отрицание барства и лени.

Лев Черный.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ АНАРХИСТОВ В СССР

До нас дошла запоздалая весть о новых гонениях на анархистов в СССР.

В конце мая и в начале июня ГПУ произвело массовые аресты анархистов в Москве, Одессе, Киеве и в других городах.

В Киеве арестованы: хорошо известные американским анархистам анархист - поэт Анатоль Консе и А. Немирицкая, и сосланы в Казакстан на 3 года.

В Москве арестованы анархисты: Отверженный и Мудров, сосланные в Казакстан на 3 года канцлагеря, Кайданов — в Оренбург на 3 года, Михайлов — в Уфу на 3 года, Дарюшин — в Сибирь на 3 года, Гаврилин в Северо-Двинскую область на 3 года, Хархардин и Худолей — в Суздаль на 3 года, Рогдаев и Гецци — в Суздаль или в Верхнеуральск, Бармаш — заключен в неизвестном месте.

Арестованный А. Андреев, по последним сведениям, после 15-ти дневной голодовки был освобожден.

Подробностей об арестах анархистов в других городах пока еще не имеется. Новый большевицкий удар по анархистам в СССР является тем более странным, что большинство арестованных, оставаясь связанным по рукам и ногам большевицкой диктатурой, обречено было на полное бездействие и бездеятельность. Советским анархистам воспрещались выступления в каких бы то ни было рабочих собраниях, какая бы то ни была пропаганда своих идей устная или печатная и даже сотрудничество по чисто теоретическим вопросам в заграничной анархической печати.

Некоторые из них как, например, Анатоль Консе, Худолей, Хархардин и др., время от времени, помещали свои статьи в американских анархических изданиях. И хотя в этих статьях не заключалось никакой критики советского правительства, и несмотря даже на то, что некоторые из советских анархистов (Худолей и др.), в письмах к американским анархистам пытались переубедить их в неправильности занятой американскими анархическими изданиями антибольшевицкой позиции, указывая на превосходства большевицкой революционной власти перед заграничными буржуазными правительствами, — советское правительство, повидимому, подвело под одну рубрику всех анархистов, и послало их в канцлагеря с целью физического истребления.

Мотивы проявления этой новой вспышки произвола скрыты, разумеется, в недрах большевицких тайных судилищ. Нам известно, что сосланные анархисты не совершили никакого политического преступления, за которое их могло бы преследовать, например, американское или французское буржуазное правительство. Ссылают без всякой вины и без суда только в СССР, в царстве Муссолини и в других фашистских странах.

Фашистско-большевицкие правительства, воскресившие средневековые инквизиторские тайные судилища, преследуют людей не за какие-либо дела и преступления, а по одному подозрению и капризу начальства.

Какой нибудь чин из ГПУ вздумал показать свое усердие по службе, отличиться перед начальством, и на ссылку пошли анархисты.

Положение анархистов в СССР, поистине, ужасное и трагическое. Виноват или не виноват, а тащут в тюрьму или канцлагерь. И если анархист не совершил никакого преступления — ни словом, ни делом, — то тем хуже для него: «увидят, что ничего не сделал и высекут».

Возмущаться и протестовать? Да! Когда-же в самом деле придет конец всем этим припадкам холерины советской власти?

Когда терроризированный советский гражданин сможет свободно вздохнуть, без опасения быть схваченным и заточенным в канцлагерь?

Еще ночь темна, и не видно конца нашим великим страданиям.

Обращение к международному пролетариату по поводу новой опасности войны.

Международная Ассоциация Рабочих и Интернациональное Антимилитаристическое Бюро (Гаага, Голландия), 20 минувшего июля, в день 15-ти летия со дня возникновения Мировой войны, обратились с воззванием к международному пролетариату по поводу новой опасности войны, выдержки из которого мы ниже печатаем.

Касаясь минувшей войны, авторы воззвания говорят:

"Путем лжи и обмана рабочие массы были вовлечены в войну; их уверяли, что они сражаются за справедливость, мир и свободу. Вся война и послевоенный период ясно, однако, показали, что этими красивыми фразами прикрывались империалистические стремления к власти и наживе буржуазного класса и что миллионы убитых и раненых с обеих сторон принесли свои жизни и кровь ради интересов спекулянтов, фабрикантов и правительственных клик.

„Не успели еще исчезнуть кровавые следы бойни людей, как на горизонте появляется новая опасность войны. Война 1914-1918 г.г., которая по заявлению дипломатов и государственных деятелей, должна была быть последней, послужила, несмотря на ее разрушительные результаты, только прелюдией к еще большим конфликтам, подготовляемым в настоящее время, о которых народ не имеет представления.

„Противоречия интересов империалистических держав все более осложняются, и непрерывная борьба за сырье, колонии, рынки и контроль морей с каждым днем обостряется. Взрыв этих конфликтов — только вопрос времени. Происходит усиленное вооружение; неустанно строят новые корабли и воздушный флот. Подписываются военные договоры, фабрикуются взрывчатые вещества, ядовитые газы, бациллы; в мастерских и лабораториях лихорадочно работают над выделкой смертоносных инструментов. Короче говоря, делаются приготовления к грядущей войне.

„Конференции по разоружению, предложения об ограничении вооружения и лицемерный Келлоговский пакт, со всякого рода оговорками, являются, ввиду изложенных неопровержимых фактов, только траги-комической подготовкой к назревающей катастрофе. Вопреки всем этим компромиссам, все государства ведут подпольную военную политику. Они ждут только удобного момента, чтобы напасть друг на друга. Что явится причиной конфликта? Причин так много, что трудно их предвидеть. Но одно только хорошо известно: международное положение полно опасностей по причине столкновения интересов различных правящих групп, и что величайшего взрыва можно ожидать вследствие малейшего столкновения, стихийная сила которого может превратить целые страны в груды развалин.

"Еще маленькое обострение империалистических противоречий и разразится война, научная война, со всеми ее ужасами и последствиями. Эта опасность угрожает всему человечеству, и в особенности международному рабочему классу, которому придется платить за "музыку", как и в прошлые войны".

Воззвание дальше указывает на бесплодие и неспособность Лиги Наций и различных социалистических правительств предупредить будущие военные конфликты. Эти правительства превращаются в орудие империалистов и буржуазии. Реформистские тред-юнионы даже отказались от своей прошлой до-военной оппозиции войне, стоят за необходимость армии, а следовательно, и за войну.

Коммунистический Интернационал, по словам воззвания, находится в полном подчинении советскому правительству. "Антивоенная кампания, проводимая этим Интернационалом, является формой агитации с целью поддержания Сталина. В то время, как по приказу из Москвы, коммунисты усматривают военную опасность в проблематической аттаке против СССР, они отвращают внимание пролетарских масс от действительной военной опасности и от действительной борьбы с ней. Лидеры коммунистов хорошо знают, что теперь нет опасности нападения на Советский Союз по причине нынешнего анти-революционного курса и после примирения Сталина с Детердингом, европейским нефтяным королем. Действительная же цель их антивоенных собраний — это привлечь международный пролетариат на помощь империалистической политике советской власти".

Воззвание предлагает следующие меры борьбы против недопущения войны:

"Никто из рабочих, переживших ужасы и страдания последней Мировой войны, не станет желать повторения этих мучений. Но недостаточно только желать, но надо направить волю на борьбу и предупреждение всех попыток вызвать войну всеми возможными средствами. Организованный рабочий класс имеет в своем распоряжении мощные средства для того, чтобы с успехом вести войну против войны. Рабочие должны только воспользоваться этими средствами. В этом отношении тактика прямых действий пролетариата может быть применена в борьбе против всех форм милитаризма посредством отказа от службы в армии, отказа от выделки военных материалов и об'явления генеральной забастовки вслучае угрозы войны. Рабочие массы всех стран, наконец, должны понять, что только применением этих средств можно сделать войну невозможной, и что государство всегда — будь оно буржуазным, фашистским или пролетарским — является причиной всех войн, захватов и разрушений. Таким образом, если пролетариат желает освободиться от военной опасности, он должен прежде всего вести борьбу против государства.

САККО И ВАНЦЕТТИ

(С английского*)

Быстро, быстро
Мчится время!
Уже два года прошло!
Умершие! Умершие!
Вы не воскресли.
Кто сказал,
Что будет воскресение?
Смерть! что она означает —
Вам известно.
Вы пожертвовали своей жизнью за других.
Жертва!
Это была подлинная жертва!

Посмотрите на ваших врагов:
Они удят рыбу,
Смеются,
Казнят,
Как всегда.
Позор!
Падение нравов всего общества.
Перед вашей смертью,
Разве миллионы не клялись,
Что они будут действовать,
Если вы умрете.
Теперь, —
Два года прошло,
А исполнили ли они свою клятву?

Петиции!
Протесты!
Телеграммы!
Демонстрации!
Забастовки!

О, быть может, это зажжет холодный пепел двух мучеников,
Но никогда не размягчит сердец убийц.
Слезы!
Вздохи!
Жалобы!
И тому подобное.
О, быть может, это утешит ваших матерей,
Но никогда не защитит от жаждущих крови.

Видели ли вы стада животных,
Гонимых на убой?
Как пронзительно они визжат!
В каком ужасе дрожат!
Однако, человек кушает их мясо.
Так и вы: иностранцы, рабочие.
Ваш пот неистощим
Ваша кровь чиста,
Для жаждущих ее.

О, Ванцетти!
Не ты ли сказал:
"Я хочу простить издевающихся надо мной
Конечно, как человек, ты мог бы простить.
Но кто ты? Рыботорговец, рабочий.
В банке ничего не имеешь.
Разве тебя считают за человека?
Разве не оскорбление
Прощать непрощающему?

О, Сакко!
Не ты ли сказал:
"Да здравствует анархия!"
Не забывай же:
Чтобы попасть в небо,
Нужно восходить по лестнице.

О, мученики!
Умершие!
Вы умерли,
Никогда, никогда
Не возвратитесь к жизни.
Быстро, быстро
Прошел год и другой.
Но года будут идти

*) Это стихотворение написано молодым китайским поэтом Х. Т. Тсиангом, и входит в брошюру его поэм, посвященных китайской революции.

На эту борьбу Международная Ассоциация Рабочих и Интернациональное Анти-милитаристическое Бюро призывают международный рабочий класс, а также к созданию экономических классовых организаций под лозунгом:

Против войны!
Против капитализма!
Против всяких диктаторов!
Против государства!

И с каждым годом будет возвышаться
Ваш незабвенный памятник

О, мученики!
Посмотрите на осенние цветы:
Они увядают!
Желтеют и засыхают!
Но корни, дающие листья и цветы,
Не умирают.
Приходит весна
И мы опять видим красивые цветы.
Цветут,
Благоухают,
Приветствуют ласковое солнце,
Борются с холодным ветром,
И целуются с прелестными мотыльками.

О, мученики!
Умерли! Вы умерли!
Но посеянные вами цветы человеколюбия
Набухают,
Цветут,
Растут.

Прислушайтесь к ропоту ваших братьев.
Мы горим, пламенем
И в пламени возносимся к вам.

Х. Т. Тсианг

Ванцетти о своем собственном деле

“Я убежден в том, что Дедгамское дело (вооруженное нападение в Саут Брейнтри) не может быть основательно понято и об‘яснено без хорошего ознакомления с Плеймутским делом (Бриджвотерское покушение на ограбление), потому что, будучи более нежели тесно связаны одно с другим, оба дела являются частями одной и той же вещи — я сказал-бы— взаимодействующими.

“Я дальше уверен, что все дело не может быть понято и об‘яснено без достаточного знания людской психологии, а также времени и обстановки, при которой мы были арестованы и осуждены. Очень мало писалось о Плеймутском деле, и еще менее об этих вещах, потому что необходимость защиты Дедгамского дела поглотила все время и энергию тех друзей и товарищей, которые защищали нас. Поэтому, я решил пополнить известные уже факты, относящиеся к этому делу, об‘яснив исторические причины, факторы и предшествовавшие обстоятельства, а также нарисовав картину Плеймутского дела. Вот перечень фактов, которые, по моему мнению, должны пояснить дело:

“Плутократия успешно управляет миром с помощью значительного меньшинства обыкновенных людей и благодаря равнодушию народных масс. Эта общая историческая истина самым точным образом относится к нашему делу. Она не нуждается в об‘яснении. Наше дело попало в руки сторонников плутократии, и они осудили нас.

“Мы — анархисты, итальянцы и дезертиры. Как об анархистах, о нас сложились самые превратные понятия. Нас боится и ненавидит американская толпа богачей и чернь. Как итальянцы, мы принадлежим к одной из самых презираемых и ненавидимых национальностей; как противники войны, как дезертиры — мы заслуживаем петли по мнению вульгарного большинства американского народа, преследовавшего и судившего нас.

“В качестве свободников и рабочих, мы, до нашего ареста, боролись против американской плутократии на стороне рабочих. Сакко принимал активное участие в забастовке рабочих Милфорд сталелитейного завода, а также в деле защиты Иттора и Джиованитти. Кроче говоря, Сакко принимал активное участие в каждой забастовке, борьбе и агитации, имевших место во время революционного под‘ема. Я принимал участие в забастовке рабочих Плеймут Кордадж Ко. в 1915 году. Эта компания — одна из самых больших в стране.Город Плеймут находится у нее в феодальной зависимости. Из всех местных рабочих, игравших видную роль в забастовке, я был единственный человек, к о т о р ы й не пошел на уступки, или не предал рабочих. Ко времени окончания забастовки, “Бостон Пост“ — креатура Кордадж Ко. — выступила с заявлением о том, что “около 100 итальянских анархистов принуждают рабочих бастовать вопреки желанию остальных забастовщиков.“ Это была преувеличенная полуправда. Но из всех местных рабочих, принимавших участие в забастовке, я был единственный человек, который, вместо того, чтобы быть компенсированным, был занесен компанией в черные списки и подвергнут долгому, напрасному и бесполезному полицейскому надзору. И я вполне был убежден, что Кордадж Ко. никогда не забудет и не простит мне того, что мною было сделано в интересах эксплоатируемых рабочих. В этом месте я должен указать на отношение изложенного к Плеймутскому делу.

“Значительная часть итальянской колонии в Плеймуте находится в зависимости от Кордадж Ко., которая располагает такой хорошо организованной службой шпионажа, что ей известны все публичные и частные дела в городе вообще и своих рабочих — в частности. Многие рабочие этой компании были по-

ложительно убеждены в моей невиновности. Таково было мнение всего города; г-н Браун, управляющий компании, был несомненно осведомлен о моей невиновности еще до разбора дела. Одно слово человека с такой властью, и меня освободили-бы в то время как, судя по поведению судьи, прокурора и даже моего адвоката, Плеймутское дело с самого начала, приняло характер, — чем оно в действительности было— легального линча. Мое истребление законным путем было местью со стороны толстосумов.

"Мы были арестованы и судимы, когда во всей силе свирепствовала еще послевоенная реакция. Примитивные лозунги реакционеров о том, что "радикалы должны быть не только подавлены, но и уничтожены" и что с "ними не надо стесняться" — применялись на деле на улицах и скверах точно так же, как в полицейских участках и в судах по всей стране. Для доказательства моего утверждения я ссылаюсь на книгу: "Эпидемия депортаций в 1920 году", написанную Луисом Постом, помощником министра труда в палмеровскую администрацию, и на другую книгу: "Погромы во время войны и судебное насилие", изданную Американским Союзом гражданских свобод. Эти документы вполне убедят вас и каждого сомневающегося Фому в том, что мои слова не являются преувеличением.

"Увеличение после-военной преступности значительно отягощало наше положение. В течение нескольких месяцев, предшествовавших нашему аресту, Массачузеттс пережил страшную "волну преступности". Происходили нападения на дома, ограбления банков, ограбления на большой дороге и убийства. Население было запугано и возмущено, печать истерически требовала принятия скорых и решительных полицейских мер, а плутократия напирала на власть, настаивая на уничтожении чрезмерной преступности. В Массачузеттскую легислатуру был внесен билль, предлагающий большую награду за обнаружение, поимку и осуждение Брейнтрийских грабителей и убийц. Позже нам говорили, что не имеется доказательств тому, что подобное предложение было сделано. Но мы продолжаем настаивать на этом утверждении, ибо было предложено несколько наград различного рода. Слатер и Мэрил Шу Ко. г. Брейнтри и Бриджвотер Шу Ко. также предлагали награды за раскрытие преступлений.

"Предложение подобных наград значительно помогло осуждению нас. Наше дело в целом, точно так же как и каждая его деталь, указывают на то, что после предложения означенных наград все были заинтересованы в обвинении нас: чернь, полиция, прокуратура, штатные власти, плутократия и все, вместе взятые.

"Во время нашего ареста реакция уже депортировала или рассеяла, тем или иным способом, наших наиболее опытных и образованных товарищей, особенно в этом штате, и таким образом трудная задача нашей защиты перешла к товарищам и друзьям, которые более или менее были незнакомы с обычаями американского народа, полицейских судов и судебной процедурой. Мы сами более всех были неосведомленными в подобных вещах. Вследствие этого были совершены многочисленные и серьезные ошибки, которые значительно нейтрализировали международную агитацию и протест, предпринятые лучшей частью человечества с целью нашей защиты. Более того, через наше незнание людей и вещей, нашу защиту вели предатели и не подходящие адвокаты, которые умышленно или неумышленно, погубили дело. Подобным образом была истрачена значительная сумма денег, предназначенных для нашей защиты, пожертвованных из симпатии к нам жителями этой страны, благодаря чему задача адвокатов, которые относились и относятся к делу добросовестно, оказалась чрезвычайно затруднительной.

"Во время нашего ареста мы были обысканы. У каждого из нас нашли револьвер, у Сакко — несколько револьверных запасных патронов и у меня — три или четыре ружейных патрона. Отказывая нам в пересмотре дела, Вебстер Тайер заявил, что присяжные заседатели осудили нас не на основании показаний очевидцев - свидетелей, а в силу косвенных улик. Без упомянутых двух револьверов и нескольких патронов, не было-бы даже и "тени" существенных улик против нас. И эти предметы ровно ничего не доказывают, хотя прокуратура строила на них обвинение. То-же самое может быть сказано и относительно того, что Тайер называет "косвенными уликами".

"Триумф реакции в Европе и появление фашизма в Италии очень повредили нашему делу. Итальянское общественное мнение всегда было благожелательно к нам, а также и итальянская печать в целом.

"Чтобы ни могли сказать или подумать простаки и формалисты, но я убежден в том, что если-бы у власти находилась какая-либо иная партия, с другими лицами в итальянском правительстве в это время, то нас освободили-бы. Этим мы просто констатируем факт или вернее, — наше мнение, но не просим никакой милости ни у какого правительства, ни даже правосудия, которые мы ожидаем от народа.

"Многие вероятно удивлены, или могут удивляться тому, что вопреки нашей невиновности, вопреки международной агитации в нашу защиту и израсходования 300.000 дол. на защиту, — нас осудили, дважды осудили, и все еще держат в тюрьме. Я надеюсь, что после размышления по поводу всего вышесказанного, каждый здравомыслящий человек поймет, что в данном деле нет оснований для удивлений. И несмотря на это, дело наше ни в коем случае нельзя считать законченным. Мы ничего не ожидаем, кроме несправедливости и злоупотреблений со стороны наших преследователей, но мы будем бороться до последней крайности.

"У итальянского народа является древней традицией употребление в пищу угрей и рыбы в вечер накануне Рождества. Кроме того, мы очень любим этого рода пищу. 24 декабря 1919 года, когда я продавал в Плеймуте угрей 35 сен. фунт, жадные рыбо-

торговцы в Бостоне, злоупотребляя народной страстью куграм, продавали их 1 дол. 25 сен. и до 1. д. 50 сен. фунт. Я, занимаясь развозной продажей рыбы и зная об этой традиции, позаботился о том, чтобы доставить угрей моим покупателям на Рождественский вечер. В предшествовавшие празднику недели, я обошел дома за получением заказов, которых собралось порядочно. В истории Плеймутской колонии ничего подобного раньше не было. Эта новизна и торжественность дня хорошо запечатлелись в памяти моих заказчиков. Но для того, чтобы выполнить заказы, я принужден был работать целый день 24 декабря, и находиться в Плеймуте, в 30 милях от места совершения преступления.

"Когда Плеймутские итальянские жители узнали о том, что я был привлечен к ответственности по Бриджвотерскому делу, они заявили о моей невиновности, и предложили свои свидетельства. В мой приезд в Плеймут, Масс., 8 лет назад перед моим арестом, я носил бороду, но форма и вид моих усов и волос фактически оставались такими, как и в момент моего ареста. Около двух лет после моего приезда в Плеймут я сбрил бороду, но продолжал носить волосы и усы, как прежде. Мое лицо поэтому было знакомо всему городу, особенно потому, что я был рыботорговец, продолжительное время работал на дворе у контракторов и в Кордадж Ко., и принимал активное участие в забастовке. После того, как свидетели обвинения дали описания внешнего вида бандита, я предложил г-ну Ваги вызвать в качестве свидетеля плеймутских полицейских, американских контракторов, у которых я работал, и всех известных итальянских торговцев и парикмахеров для доказательства того, что я никогда не носил моих волос в форме "помпадур", или моих усов в форме "аля Чарли Чаплин", или стриженными, или даже "хорошо подрезанными в концах".

Г-н Ваги ничего не предпринимал относительно этого, заявив, что контракторы ничего не помнят относительно моей физиономии, что было ложью с их стороны или его.Но он был принужден представить несколько мужчин и женщин, согласившихся дать показания по этому делу. Все они были мои соседи, итальянские рабочие, за исключением г-на Ферра - ри — кабатчика. Я поэтому настаивал, чтобы Ваги представил суду присяжных заседателей более влиятельных свидетелей. Убедившись, что он не намерен вызывать в суд никого из полицейских, предпринимателей или парикмахеров, я заявил ему, что если он не позаботится о лучшей защите дела, то я на суде буду протестовать против его действий и требовать охраны моих прав. Мои глаза говорили более, нежели мои слова. Г-н Ваги уступил, и тогда он послал, в последний момент, с поспешностью и торопливостью, своего агента Довиглио Говони на поиски полицейских и парикмахеров. Говони вернулся в суд с итальянским парикмахером и двумя американскими полицейскими. Оба полицейские показали, что они знают меня в течение многих лет, что они видели меня почти ежедневно, и что, насколько они припоминают, — я всегда носил мои волосы и усы в таком виде, как они выглядят теперь. И несмотря на это, они во время дачи показаний производили впечатление нервных и волновавшихся людей; их показания были менее искренни, чем того требовала их совесть.

"Тот факт, что после всего они — полицейские, кормящие себя и свои семьи этой службой, знавшие, что судья, прокуратура и Кордадж Компания против меня — удерживал их от дачи показаний в мою пользу. Если-бы они были надлежащим образом осведомлены, то их показания были-бы более тверды и убедительны.

"Теперь несколько слов о парикмахере. В Норт Плеймут, где я жил в течение 8-ми лет, имеются пять итальянцев-парикмахеров. Четыре из них хорошо выглядят, интеллигентные люди, и хорошо владеют итальянским и английским языком. Пятый парикмахер не плохой человек, но он хорошо не говорит ни по-английски, ни по-итальянски. Он говорит на неаполитанском наречии и то с большими затруднениями. Ни один из этих людей не является моим единомышленником, некоторые из них — мои политические противники, но все они готовы были выступить с показаниями в мою пользу. По злому-ли умыслу, случайно-ли, или вследствие совпадения того и другого обстоятельства, — как это мне кажется и случилось, — но остается фактом то, что г-н Говони доставил в суд одного из парикмахеров, который заикается и не говорит по-английски. Вопреки всему, правда обнаруживается легко и его показание оказалось очень хорошим. Он сказал, что знает меня в течение многих лет, что брил и стриг меня много раз, что я всегда носил мои волосы и усы, как и теперь, что я подстригал мои волосы коротко и ровно, и что невозможно подстричь их в виде "помпадур'а." На вопрос — подстригал ли он мои усы, он ответил отрицательно: "Ванцетти всегда носил усы не подстриженными; я только остригал несколько волос в центре под носом, которые наклонялись к роту".

Это только был, казавшийся слабым пункт в показании, которым Кацман воспользовался. Коль скоро оказалось слабое место, Кацман эксплоатировал его, развивая целую теорию относительно "одной или двух волосинок", чтобы доказать противоречие и неискренность свидетельского показания.

"В этом месте может возникнуть вопрос: "Если верно, что весь город хорошо знает обоих обвиняемого и управляющего "Плеймут Гауз", — почему в таком случае присяжные заседатели не поверили правде?" А это случилось потому, что в числе двенадцати присяжных заседателей был только один плеймутский житель и он был надзиратель (форман) Кордадж Компании. Остальные одиннадцать присяжных заседателей были жители других городов. И так как мы раз'ясняем наше дело, то к этому можно прибавить, что штатная капиталистическая печать скорее всего линчевала нас, нежели осудила посредством

ужасной травли, особенно во время нашего ареста. Американская среда, из которой вышли присяжные заседатели, была восстановлена против нас. Будущие присяжные заседатели читали и верили ведшим против нас кампанию газетам, которые говорили им в самом начале, что мы радикалы и лидеры забастовщиков.

"Судья Тайер мог осудить меня, к своему большому удовольствию, в тот же самый день, в который был вынесен вердикт. Он был моим злейшим врагом; он предвидел исход судебного процесса; он пускал в ход все средства и делал все возможное против меня, и у него заранее созрела решимость приговорить меня к максимальному наказанию. Однако, по причинам, которые можно легко предположить, он ожидал несколько недель до об'явления приговора. Наконец, 16 августа 1920 года, в Плеймутском суде, судья Вебстер Тайер приговорил меня от 12 до 15 лет тюремного заключения в штатной тюрьме. Мастерским ударом непревзойденного ипокритизма, он отвергнул обвинение в покушении на убийство и приговорил меня к наказанию только за "покушение на ограбление". Несмотря на смягчение вины, его приговор за покушение на ограбление оказался более суровым, нежели приговоры в отношении других лиц, содержавшихся в штатной тюрьме, в момент моего туда прибытия, осужденных за вооруженный грабеж, покушение на убийство и поранение своих жертв. Я мог-бы указать на дюжину подобных дел. Но Тайер не мог удовлетвориться всем этим малым: приговаривая меня , он осквернил мои принципы, мои идеи и истину, заявляя, что "идеалы подсудимого родственны преступлению". Одни эти слова с неопровержимостью доказывают предубеждение и ненависть судьи против нас лично и наших принципов. Таким образом закончилась отвратительная пародия суда, известного под именем Плеймутского дела, разбившего мою жизнь и вовлекшего в печаль и горе сердца моих друзей."

С английского **М. Р.**

"Аутлук", от 31 декабря 1928 г.

МАССАЧУЗЕТТС - УБИЙЦА

Массачузеттс уничтожил две жизни с мстительностью и брутальностью, непревзойденными в истории. Он истребил рыботорговца и сапожника, имена которых теперь известны всему миру, которые в умах масс заняли место наряду с назаретским Плотником. Перед лицом международного протеста необычайных размеров, вопреки апелляциям со стороны лучших адвокатов и судей и обращениям иностранных правительств — с полным презрением к искренним заявлениям всей европейской печати и некоторых влиятельных американских газет о том, что вина двух человек не была установлена вне всяких сомнений, — губернатор Фуллер и его советники послали Сакко и Ванцетти на казнь. Отныне во всем мире, когда людям надо будет указать на какую-нибудь вопиющую несправедливость в судебном процессе, они станут говорить, что она напоминает массачузеттское правосудие; они в течение долгих лет с ужасом будут вспоминать о штате, в котором два человека могли быть казнены после семилетнего ужасного мучительства, наперекор всеобщим просьбам о милосердии; когда мнения юристов разделились относительно правильности судебной процедуры; когда доказательства просматривались только одним судьей, который был обвиняем в пристрастности действий в данном деле. Массачузеттс, — сказал Дэниел Вебстер, — "вот он." Вот он сегодня, об'ект осуждения со стороны всего мира. Его законные власти пользовались своими конституционными правами с такой хладнокровностью, на какую вряд ли был способен римский центурион.

Мы не можем отрицать того, что губернатор Фуллер и его советники выполнили свои простые обязанности, что они были вполне убеждены в виновности этих двух человек, что они сознательно и добросовестно отвергли иностранный критицизм и не вняли голосу иностранцев. Они уверены, что никто лучше не мог-бы разобрать дела; что никто другой не имел общения с таким большим числом лиц, соприкасавшихся с этим делом, и никто другой не выслушал такого множества показаний. Они чувствуют, что многолетние промедления произошли по собственной вине обвиняемых, а не по желанию судебных властей — как будто-бы кого можно порицать за то, что он желает воспользоваться малейшей возможностью, чтобы ускользнуть из рук предубежденного судьи. Они уверены в том, что являются обладателями важных фактов, не об'явленных на суде; что большинство массачузеттского общественного мнения на их стороне, и что возбуждение за-границей было вызвано пропагандой Комитета по защите. Они говорят, что не желали уступить угрозам; что не могли уступить требованиям иностранцев, умышленно введенных в заблуждение. Менее всего они могут уступить перед фактом взрыва дома присяжного заседателя. На их обязанности лежало исполнить закон до конца; их обязанность — поддержать закон и порядок; взять принадлежащий им фунт человеческого мяса. И они сделали это, опираясь на мнения людей, в умах которых не зарождается никаких сомнений относительно правильности процедуры, или мудрости их решения, и успокоились.

Они поступили так, оскорбив общественное мнение, формулированное в следующих словах Рамзея Макдональда, бывшего премьер-министра Англии: "Все дело слишком кошмарно; я надеюсь, что репутация Соединенных Штатов будет спасена недопущением ужасов совершения смертной казни." Но казнь состоялась, и они нанесли удар репутации

всей страны. Они казнили и этим всюду усилили насилие, и поощрили тех людей, которые верят в то, что мир может быть реформирован только посредством бомб и кровопролития. Везде они мирных мужчин и женщин заставили сомневаться в том, что прогресс возможен без насилия. Они поддержали закон и порядок и вызвали беспорядок. Они поддержали достоинство закона, чтобы вызвать к нему презрение. Они уничтожили сдерживающую силу закона о смертной казни, если только ее можно в нем предполагать. И все это им кажется хорошим американизмом и государственной мудростью. Им должно быть известно так же, как и нам, о сильном беспокойстве вашингтонской администрации в связи с последствиями, которые этот случай имел на наши отношения с иностранными державами; им должно быть небезызвестно о том, что, по мнению этих властей, наши международные отношения будут омрачены в течение двадцати лет тенью этого трагического события. Губернатор Фуллер только пожимает плечами: в его глазах казненные — виновны; промедление не было его виной, и приговор должен быть приведен в исполнение немедленно. После семи лет он не желал подождать несколько месяцев дольше в надежде, что возникшие сомнения, поднятые и опять возбужденные такими влиятельными газетами, как „Нью Иорк Таймс" и „Войрлд" и „Спрингфильд Рипубликан", будут разрешены. Он не желал подождать минуты, хотя каждый час, истекший с момента опубликования решений Ловеллского комитета и его собственного, только усиливал чувство сомнения относительно правильности этих решений. Люди и газеты, которые прежде говорили: „Хорошо, мы должны принять Ловеллские заключения и губернаторское решение" отклонялись от этого мнения все более по мере изучения этих документов, и требовали дальнейшего исследования и дальнейших об'яснений. С каждым часом противоречия этих двух точек зрения становились все более ясными, равно как и разногласия относительно фактов. Но губернатор не усматривал случая для милосердия, а скорее всего желал поскорее покончить с делом, чтобы положить конец общественным волнениям и смуте. И таким образом, как мы сказали в прошлый раз, он сделал необходимым охранять американский флаг везде, где он развевается над американскими общественными зданиями за пределами Соединенных Штатов.

Надо признать, пожалуй, одной из великих трагедий то, что ответственные люди пошли на такой шаг, будучи уверены в своей безошибочности, в своем правосудии, но не будучи в состоянии понять того, что дело осужденных давно перестало быть индивидуальным и стало частью жизни и идеалов народных масс. Осудившие тоже нуждаются в прощении. „Они не знают, что творят". Взор их был устремлен на Моисеевы законы. Нет сомнения в том, что губернатор Фуллер не мог найти единственной основательной причины — почему он должен заменить или ослабить приговор. „Губернатор благожелательно настроен", — писали мы в прошлый раз, — он является одним из благородных людей, имеющих отношение к этому делу, он пожертвовал здоровьем и средствами, чтобы спасти доброе имя штата Массачузеттс. "Беда в том, — прибавлял автор, — что он не может понять". В этом вся суть дела. Он не может понять того, что бывают времена, когда милосердие выше справедливости и возвеличивает ее. Он не мог чувствовать ужаса этих казней. Он не мог видеть того, что мудрый правитель не всегда проявляет полноту предоставленной власти, и может остановить карающую руку закона, чтобы успокоить народные массы, и воспользоваться случаем для распутывания запутанного клубка доказательств, различно толкуемых теми, кто имел соприкосновение с делом. Он не мог видеть, что замена приговора открыла бы возможность достижения полного правосудия, если-бы впоследствии того потребовали факты. Итак, Массачузеттс, на законном основании, убил рыботорговца и сапожника, мстительно и брутально, ради каприза губернатора, который не может понимать.

Как все это грубо и унизительно! В 1927 год нашей христианской эры большой штат казнит двух человек и поэтому думает, что этим он увеличивает свою мощь, могущество и справедливость. Он прибегает к насилию, чтобы отомстить насилие, в котором он их обвинял. Он осуждает их за убийство и сам совершает убийство. Он бормочет: "Не убий", и сам, будучи простым собранием людей, от которых он требует признания священности человеческой жизни, — оскверняет самую святыню, которую он претендует почитать. Поэтому Алван Т. Фуллер верит в то, что он подавляет или контролирует преступность, или по меньшей мере увеличивает безопасность человеческой жизни. Во всей истории юриспруденции нельзя найти доказательства тому, чтобы убийство было прекращено убийством, как бы его ни легализировали, или что народное уважение к власти возрастало через усиление государственного насилия. "Опыт показал, — говорится в докладе 1841 г. комитета штатной легислатуры штата Нью Иорк, — что надо считать полным заблуждением предположение о том, что страх перед смертной казнью может быть могучим и действительным средством удержания от совершения крупных преступлений; эта мера наказания нисколько не имеет влияния на поведение человека....." Ибо если найдется один человек, который может быть удержан от совершения преступлений в будущем казнью в Чарлестонской тюрьме, то сотни тысяч людских сердец охвачены злобой и яростью, вызванными брутальностью штата и полной уверенностью в том, что в данном деле была допущена неслыханная несправедливость. Могут ли эти люди относиться с уважением к штату? Могут ли они опять верить в то, что он стоит за справедливость и равное ко всем людям отношение?

Бесполезно говорить, что судебные ошибки происходят во всех странах. Это дело запало в сердца людей, потому что оно мучит сомнениями относитель-

но правильности приговора, вынесенного двум скромным человекам, которых они лично не знают, и политических взглядов которых не разделяют; потому что человеческая природа еще не испорчена настолько, чтобы читать об уничтожении этих двух людей без потрясения до самых оснований их веры в справедливость и человечность. Может быть ради создания подобного оскорбления морального чувства народных масс Алван Т. Фуллер занимает место губернатора штата Массачузеттс? Может быть судьбе было угодно, чтобы миллионы людей могли убедиться в безумии смертной казни, только хотя-бы по причине ее окончательности в деле, в котором новые доказательства неоднократно появлялись в продолжение этих долгих семи лет? Завтра другие три человека, обвиняемые в убийстве, которые никогда не были обнаружены или опознаны, могут оказаться; похищенные деньги, ни один сент из которых не был обнаружен у Сакко и Ванцетти, могут быть найдены, а вместе с тем откроются и действительные виновники. Что тогда? Где тогда окажутся Тайеры и Фуллеры? Они в свою очередь явятся преступниками — убийцами. Кто знает? Только на-днях молодая девушка в Кентукки раскрыла свое собственное "убийство", за которое Кол Дабни был приговорен к пожизненому тюремному заключению и провел уже в тюрьме семь месяцев. Это только один из многих случаев. Мы желаем подчеркнуть то, что губернатор Фуллер нисколько не мог убедить редакторов, адвокатов, докторов, ректоров университетов и профессоров, судей и людей интеллигентных всюду в том, что дело было ясным, и виновность установлена вне сомнений. Когда штат предпринимает непоправимый шаг при подобных условиях, бесполезно говорить о сдерживающем его влиянии. В данном случае штат самому себе причинил вред, нанеся удар закону и порядку. Он возбудил страшное сомнение, которое никогда не исчезнет в продолжение жизни нашего поколения, разве в случае открытия новых доказательств в пользу той или другой стороны. Справедливо или ошибочно, дело Сакко и Ванцетти войдет в историю наравне с процессом ведьм в Салеме, и в позднейшее время , с делом Чикагских анархистов в 1886 г.

Что касается Сакко и Ванцетти, мучительной жизни которых наступил конец, — зачем сокрушаться о них? Их долгая агония окончилась, и они были философы и знатоки истории настолько, чтобы знать, что их казнь была более ценна для прогресса человеческой жизни, нежели было бы их освобождение и возвращение к сравнительной неизвестности. Джон Браун писал перед самой казнью, что "повешение его безгранично ценнее, нежели использование его для какой либо другой цели". В его словах было более истины, чем в словах южного полковника — тория, который, стоя у подножия эшафота и наблюдая бьющееся в предсмертных судорогах тело Брауна, говорил: "Пусть так погибнут все враги Вирджинии! Все подобные враги Союза! Все подобные враги человечества!" Два года спустя этот полковник из всех сил старался, чтобы разрушить Союз. Самый акт уничтожения жизней Сакко и Ванцетти обеспечивает им вечность в любой социальной истории Соединенных Штатов. Простая угроза их казни вызвала удивительную международную солидарность. Когда прежде народные массы в Аргентине, Японии, Югославии, Италии и по всему миру ожидали, со скорбью и возмущением сообщения о казни двух американских "бандитов"? Когда прежде вторая большая политическая партия в Англии оффициально делала попытки, чтобы спасти жизни двух "преступников?"

Чтобы еще ни было сказано о Сакко и Ванцетти, но нет сомнения в том, что их сознание возростало, расширялось и увеличивалось, в то время, как они находились за тюремными решетками. Когда людей ожидает смертная казнь, для них становятся ясными многие вещи; с их глаз спадают многие повязки. Мы бросаем вызов любому человеку прочесть речь Ванцетти на суде или прощальное письмо Сакко к сыну и сказать, что они были написаны запачканными кровью руками. Алван Т. Фуллер, спасая свою жизнь, не мог-бы написать ни одного подобного слова. Но предположим, что они были виновны, то в таком случае здесь на-лицо полное доказательство возможности поднятия и перерождения самых закоренелых преступников. Чрезвычайные изречения Ванцетти привели многих, кроме Гейвуда Брауна, к убеждению, что он является одним из великих людей нашего времени. В кругах близких к губернатру Фуллеру, приходилось слышать слова глубокого уважения к Сакко за его мужество, постоянство и желание быть лучше известным и понятым. И весь мир хотят убедить в том, что эти люди были коварные разбойники и грабители; эти люди, — которые вели беспорочную жизнь до тех пор, пока они будто-бы не появились с тремя соучастниками, — никогда не обнаруженными, в автомобиле Бюик, — никогда не обнаруженном, что-бы похитить 16.000 дол., — никогда не обнаруженных — явились участниками преступления, совершенного, по мнению полицейских, профессиональными преступниками.

Нет, это могут проглотить те, кто желает. Наш ум и совесть восстают против подобных предположений. Но виновны они или невиновны, эти люди оставили след. Их поведение перед лицом смерти, их бесстрашие, решимость, возвышенность духа, все это — бессмертные вещи, и так или иначе память о них проникает в людские сердца. Никто не может сказать, что все это означает, или предсказать, чем это дело окончится. Но ясно одно: законное убийство в Бостоне глубоко и вредно отразится на международных отношениях Соединенных Штатов и моральном авторитете страны в продолжение по меньшей мере десятка лет. Массачузеттс с триумфом убил итальянского рыботорговца и итальянского сапожника, и этим очернил имя Соединенных Штатов по лицу всей земли.

С английского **М. Р.**

"Нэйшен" 31 авг. 1927 г

О великом могильщике-государстве и его жертвах

Святой памяти Сакко и Ванцетти.

Новый признак государства открываю я вам: всюду, где пахнет трупами, найдете вы государство; но там, где процветает жизнь, там увидите вы государство безсильным, лежащим неподвижно, подобно ненужному разлагающемуся телу. И в этом еще следует убедиться вам: всякое торжество жизни над смертью является опасной угрозой государству. И если вы стремитесь к полному торжеству жизни над смертью в будущем, вы, с неизбежностью, будете вынуждены толкнуть государство к гибели: ибо где нельзя будет убивать друг друга, там станет невозможным существование государства.

Очагом смерти называю я государство, потому что многие из совращенных государством безрассудно принимают смерть из рук его, а те, кто еще остался в живых, должны дожидаться своей смерти у порога государства; так государство никогда не устает рыть могилы для своих мертвых жертв и потрясать знаменем смерти над головами живущих.

Государства строятся на трупах, и чем больше трупов свалено у ног государства, тем выше оно поднимает свою преступную голову. Воистину, гора трупов является необходимым фундаментом для всякого государства, а человеческая кровь столь же необходимым цементом, скрепляющим громоздкую государственную постройку снизу и доверху.

В искусстве „делать трупы" государство не имеет соперников. „Я могу превратить в труп всякого, кто станет на моем пути", — хладнокровно говорит государство, и эта фраза не является пустой угрозой в его вечно-лгущих устах. „Я могу безнаказанно убивать", — холодно повторяет государство и поднимает свой тяжелый меч над головами обреченных. Убийство — самое действительное средство устрашения в руках государства, и как часто государство прибегает к нему! Но, с другой стороны, в частом использовывании этого страшного средства кроется немалая опасность для государства. Когда убийство становится повседневным явлением, необходимым предметом государственного обихода, оно уже никого неспособно запугать: страх перед смертью улетучивается из сердец обреченных, и жертвы жестокости государства начинают ненавидеть своего палача упорной неискоренимой ненавистью. Говорят, когда ненависть не способна переродиться в любовь, она перерождается в презрение, — эти слова могут послужить превосходной надгробной эпитафией для государства. Да, государство стало слишком ничтожным для того, чтобы привлечь к себе разумную любовь честных людей; оно же, будучи по самой природе своей, невежественным, жестоким и грубым, каждым движением своим вызывает презрение окружающих. И вот, чем выше заносит свой меч государство, тем выше вздымаются волны всеобщего презрения. Рано или поздно, они захлестнут государство, и гнусное чудовище власти исчезнет навеки в пучине народного презрения.

Великим могильщиком называю я государство, а слуг его — усердными гробокопателями. Как трудолюбивый крот, неутомимо подкапывается государство под многие жизни, и везде, где копошатся слуги государства, вырастают могилы и охотничьи ямы. Ах, как часто неосторожные и доверчивые попадают в эти коварные западни с тем, чтобы никогда уже не выбраться из них! Земли, изрытые безчисленными могилами, нагруженными до краев изуродованными и окровавленными телами, — вот территория государства. Похоронным звоном следовало бы провожать каждый шаг государства, а звуками погребальных песен встречать всякую победу власти! И часто в мучительном раздумьи спрашиваю я: как может жизнь спокойно выносить подобное чудовищное и гнусное воплощение смерти в лице государства, и как могут живые оставаться равнодушными при виде смертельных забав слуг государства? Уже всем живущим бросаю я в лицо свое убийственное сомнение: если жизнь ваша беспечно протекает под нависшей смертельной угрозой государства, то, слушайте, живущие, не стоите ли вы одною ногою в обители смерти? Или, быть может, государство успело уже и вас отравить своим трупным ядом?

Уже давно прошли те времена, когда государства самоуверенно восседали на колеснице жизни. Нынче государства не могут не сознавать себя вредными для людей и бесполезными для жизни организациями, не могут не чувствовать, как бурное течение жизни с роковой необходимостью влечет их к гибели. Как бы в предчувствии близкой гибели, государства лихорадочно стремятся жить во что бы то ни стало: сначала они стараются удержать в своих одряхлевших руках молодую бунтующую жизнь; затем, убедившись, что жизнь им все-таки не по-силам, они пытаются насильственно обуздать, смирить и обломать ее непокорный рост. Именно потому, что государствам не приходится расчитывать на долгую жизнь, они не могут не проявлять роковой страсти к насилиям над живыми людьми и издевательствам над жизнью. — Так и умирающий, чувствуя приближение смерти, старается ухватиться своими слабыми руками за жизнь и, видя, что все-же жизнь ускользает от него, начинает осыпать ее грубою бранью и нечистыми проклятиями.

Еще об одном наблюдении над государством хочу рассказать я вам: величие государств всегда покупалось ценою унижения и умаления многих, и чем могущественнее оказывалось государство, тем зависимее и ничтожнее чувствовали себя его граждане. Полный триумф государственности неизбежно приводит к значительному умалению и угасанию человеческой личности, к превращению человека в бессмысленное и безжизненное политическое или юридическое понятие. И всегда получалось так: всюду, где государства чрез-

мерно оживали, угасала человеческая жизнь; ибо там, где государство чувствует себя могущественным, там никто не может быть уверен в жизни своей, там все живут под постоянной угрозой смерти. И всюду так замечал я: в самых оживленных государствах люди больше всего походили на мертвецов, вставших из гробов своих, так что часто в пределах таких государств затруднительно было отличить живых от мертвых.

Разве не смешно видеть, как громкоголосые и тучные государства приковывают к себе безмолвных и тощих граждан! Вот в чем вижу я великую непревзойденную трагикомедию безразсудного народного терпения: обессилевшие люди тащат на своих согбенных спинах громадную тушу своего разжиревшего государства, но редко кому из них приходит в голову сбросить с себя этот ненужный и тягостный груз и растоптать его ногами.

Те, для кого существует государство, и кто живет государством, являются в большинстве случаев поставщиками Смерти. Так гласит закон всякого государства: Государство может наделить избранных благами жизни, но эти блага должны быть приобретены ценою оскудения многих жизней: Ибо государство по природе своей бесплодно и расточительно; оно ничего не способно родить само по себе: все, чем богато государство, оно награбило у чужих трудов, а то, чем оно намерено наградить одних, оно должно прежде украсть у других.

Государство говорит людям, что они должны стать гражданами во имя человеческого достоинства. Но говоря так, государство, по своему обыкновению, лжет. Для достойного человека нет ничего привлекательного в том, что он будет считаться гражданином государства. Ведь чувство гражданства и чувство человечности трагично не совпадают, и часто для того, чтобы стать гражданином, требуется прежде обезличить и умертвить в себе человека. Именно во имя человеческого достоинства люди должны стараться сбросить с себя тягостные узы гражданства и стремиться к тому, чтобы утверждать свою человечность вне узких и бездушных рамок государственности.

Мертвыми глазами глядит государство на человека и в призрачные сети законов оно пытается уловить живую человеческую совесть. Поистине, непосильной тяжестью оказывается государство для совестливых людей: ибо государство, будучи бессовестным по призванию своему, не терпит подле себя живой человеческой совести. „Когда я говорю, человеческая совесть должна молчать", — бесстыдно об'являет государство, и всякий раз, когда ему приходится сталкиваться с живой совестью людей, оно пытается подменить ее бездушным страхом или послушанием граждан. Смерти чуткой человеческой совести жаждет государство; ибо чувствует оно, что такая совесть не может не казнить его за его бесчеловечное могущество, не может не осуждать его за его бесчисленные преступления.

Орудием смерти именую я государство, и всюду, куда достигает ядовитое дыхание государства, жизнь замирает в стране, и человек не бывает уверен в жизни своей. И лишь там, где человек не считает себя больше слугой государства, лишь там он впервые начинает чувствовать себя полным хозяином своей жизни.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

Религия и наука, их спор и спорщики

Статья 1.

„Чепуха есть чепуха, даже, когда она украшена именем науки".
В. Джемс.

Чепуха есть чепуха, даже, когда она украшена именем религии.
X. Y. Z.

Прежде всего напомним следующий, впрочем всем известный факт: огромное большинство людей совершенно не замечает поразительной неточности своих собственных слов.

Пример этому: так называемый «спор религии и науки».

Замечаете ли вы, читатель, всю нелепость этих самых слов? Вдумаемся в них немножко. Разве наука и религия спорят и могут спорить? Говоря так, мы совершенно забываем, что спорят то ведь вовсе не они, а **люди**, по разному понимающие их. Религия и наука — вовсе не существа на двух ножках. Сами они не мыслят, не чувствуют, не говорят, не спорят и не дерутся, и не грызут друг дружку. Всем этим занимаются, вот уже втечение целых тысяч лет, люди и люди, всегда только люди. Значит, и самая суть того спора, который якобы ведется „между религией и наукой", вовсе не в этих последних, а в людях, — мыслящих, чувствующих, страдающих, спорящих, говорящих и слушающих, пишущих и читающих. Главное и центральное место во всех спорах религии и науки занимают, в сущности, **вовсе не они, а спорщики, т.-е. люди.**

Но что же мы видим на самом деле? О многовековом споре религии и науки написаны тысячи и тысячи книг и статей, а о людях - спорщиках там ничего и не говорится по существу, если не считать кое-каких намеков и мимолетных фраз. А в результате такого игнорирования людей-спорщиков, как религия, так и наука действительно начинают казаться многим и многим вроде как особыми существами на двух ножках, — с зубами и кулаками.

В этой статье мы будем говорить **о спорщиках**, — о самих спорщиках, потому что от них то ведь и зависит, как они понимают самую суть религии и науки.

И правда, что такое понимание? Понимание — есть **психическое явление** особого рода, происходящее в человеческой голове, в уме человеческом, в мозгу и вообще в нервной системе, в таком то организме такого то человека. Когда человек думает о религии и науке, это значит — в нем идет мышление о них, т.-е. происходят такие то психические явления, и человек мыслит, сам того не ведая, и даже не замечая, **как** именно происходит в нем такое явление: наша мысль несется вроде как сама собою, а мы сами то сознаем это, то вовсе не сознаем, **переживаем** незаметно для себя самих, иногда сознательно, то безсознательно. Поэтому в нашем дальнейшем изложении мы будем обозначать все мысли, все чувства, все стремления человеческие одним словом **„переживание"**: все, что человек переживает в себе самом, — это и есть его переживания.

Религия и наука, их понимание или их непонимание, вера в науку или в религию, в научную истину или в Бога, религиозное чувство или религиозная безчувственность, т.-е. неспособность чувствовать какого-либо Бога, все это — психические явления, которые следует называть человеческими переживаниями. Чтобы они существовали на земном шаре, необходимо должны существовать те люди, в каких происходят такие психические явления или переживания. А это значит, что помимо людей нет и не может быть ни науки, ни религии. Когда с лица земли исчезнет человечество, вместе с ним исчезнут и религия, и наука. Останутся на земле только следы человеческих **дел**, человеческого поведения под влиянием религии и науки. По их делам мы и должны судить их: пытки, казни, костры инквизиции, пылающие пред величественными храмами, вот одно из дел и один из результатов так наз. религии. Пятнадцать миллионов трупов, нафабрикованных во время всемирной бойни 1914—1918 г. г. по всем правилам физики, химии, пиротехники, при помощи пушек, ружей, аэропланов, бомб, подводных лодок и торпед, — вот одно из дел науки. Как же не судить по таким их делам о них самих, и как не сказать, что и религия, и наука, созданные человечеством и только в человеческих головах существующие, представляют собой, в том виде, в каком они существовали и существуют, **опаснейших и жесточайших врагов человечества**? И дела, т.-е. злодеяния науки тут еще страшнее, чем дела и злодеяния религии. И наука, и религия суть **средства**, инструменты, орудия в тех же человеческих руках. Каковы эти руки, таковы будут и результаты их деятельности с помощью таких орудий.

Значит, каковы спорщики, таковы и их дела, умственные, словесные и всякие иные.

Из всего сказанного и что видно для того, чтобы понять все споры между религией и наукой, необходимо изучить прежде всего не их самих, а людей-спорщиков, потому что именно спорщики и представляют собой настоящий и даже единственный источник того или иного понимания религии и науки.

Нет и не может быть таких спорщиков о религии и науке, со слов которых мог бы кто другой уразуметь самую суть науки и религии. Потому известный "безбожник" 18-го веко, французский философ, писатель и идейный революционер Вольтер и сказал: „Спор никого не убеждает", а папа Климент XIV в том же веке написал: „Спор ничего не раз'ясняет". А шведский общественный деятель и борец 17-го века Оксенштирн пояснил: „Началом спора бывает правдоподобие, его пищею — упрямство, а его окончанием — гнев". Огромное большинство деловых людей считает всякий спор о религии и науке пустяковой затратой времени. Другие люди правильно видят даже и во всякой полемике прежде всего источник недоразумений и враждебных чувств. В словах путаются даже самые ловкие спорщики. А много есть и таких, которые намеренно путают и других, стреляя в них словами, словно из пулеметов.

* * *

Итак необходимо изучать не только спор, а и спорщиков. Действительно, необходимость их изучения признается давным давно. Не только всякий спор, но и всякий разговор ныне изучается научно, по всем правилам науки, всегда стремящийся к точности, к достоверности, к полноте и обстоятельности. Есть науки, задачи которых — изучать психологию спорщиков во время спора, т.-е. их переживания. Изучаются и их писания, и устные речи. Изучается и влияние споров на разных слушателей. Изучается искусство спорить и способы выбирать для спора и во время спора наиболее подходящие и сильно действующие слова и обороты речи, и тона голоса. Изучается общественное значение споров, их направление, их история. В целом ряде наук можно найти богатейшие материалы о спорщиках, о их личностях, о разных сортах или породах, **типах** этих личностей, о их видах и разновидностях. Таковы например науки логика, реторика, история литературы, всеобщая история, физиология, а главное — психология (т. е. наука о внутренних, психических переживаниях и о их внешних проявлениях), — психология общая, индивидуальная и социальная. Наконец, ныне существует и особая наука, называемая **библиологической психологией**, которая изучает именно влияние чужих слов на человека, читающего и слушающего, в разных условиях места и времени, влияние разных книг и речей на разных людей, на их толпу, на общество и человечество. В этой нашей статье мы будем говорить о спорщиках, опираясь на научное их изучение при помощи вышеперечисленных отраслей знания.

* * *

Прежде всего обратим внимание вот на что: споры о различных пониманиях религии и науки и о их значении ведутся при помощи **слов**. Точнее сказать, главным образом, при **их** помощи. В нынешние времена дело редко доходит до потасовки. В былые времена это случалось довольно часто, и даже на „вселенских" церковных соборах (напр. в IV веке

Николай Чудотворец поколотил „еретика" Ария). Ныне, главным орудием борьбы является у огромного большинства спорщиков именно **слово**, устное, рукописное, печатное. Один спорщик говорит, другой слушает; один пишет, другой читает его писания. Как известно, на всякого читателя и слушателя действуют **не все** чужие слова, а только некоторые. Иной раз очень немногие.. А то и никакие.. Еще чаще бывает, что чужие слова понимаются и действуют **не в том** смысле, в каком они были сказаны или написаны: А это значит вот что: смысл, который в слова **вложен**, — не тот смысл, который этими самыми словами **возбужден** в читателе или в слушателе. Вложенное не доходит по адресу: это каждый из нас знает по собственному опыту: ты говоришь одно, а тебя понимают навыворот. Но почему так бывает? В настоящее время имеется строго научный ответ на такой вопрос, и его дали такие знаменитые ученые, как В. Гумбольдт, проф. А. Потебня, проф. А. Форель и др.

Дело в том, что слово—вовсе не передатчик и не переносчик чужих переживаний, а только **возбудитель** переживаний **наших собственных**. Когда человек читает или слушает чужие слова, в него из них равно ничего не притекает: всякое слово услышанное действует на уши, т.-е. на слуховые нервы, всякое слово прочитанное действует на глаза, т.-е. на нервы зрительные. Звуки, как и начертания букв действуют, через посредство нервов, на мозг, а через него — на все тело слушателя и читателя, и на деятельность этого тела. Поэтому мы читаем и слушаем не только глазами и ушам, а всем телом, буквально всем нутром, потому, что чужие слова оказывают свое действие и на сердце, и на легкие, и на желудок, и на железы, и на соки, которые ими вырабатываются и вливаются в кровь. Живое вещество человеческого тела — протоплазма — раздражительна, — потому то на него и действуют все посторонние влияния, доходящие через глаза, уши и другие органы чувств. Потому эти влияния и называются **раздражителями**, а их действия раздражениями — возбуждениями. Значит, всякое чужое слово, до нас дошедшее, будь оно устным или печатным, представляет собою не иное что, как раздражителя, вызывающего разные переживания в читателе и слушателе. Слова только возбуждают, раздражают, т.-е. вызывают целый ряд переживаний. Поэтому, о смысле **чужих** слов мы можем судить только по нашим **собственным** переживаниям, какие ими возбуждены, по нашему собственному мнению об этих словах. Но ведь это мнение мы сами же строим, по собственному образу и подобию, называем его не иначе как смыслом услышанного или прочитанного слова, а затем приписываем его чужим словам, вследствие чего постоянно и ошибаемся, так как эта наша постройка не соответствует тому смыслу, в каком чужие слова сказаны или написаны.

Такое приписывание делается всеми людьми постоянно и всюду. Смотря по тому, какие переживания возбуждены чужими словами (мысли, чувства и т. д.), такие и приписываются чужим словам и считаются **их смыслом**. Но ведь это **наш**, а не их смысл. Сами люди не понимают, и даже не замечают этого.

Какие же переживания приписываются чужим словам? Это смотря по тому, какие возбуждаются. А возбуждается их безконечно много, и они очень разнообразны. Вот главнейшие из них: 1. Ощущения (зрительные, слуховые и др.); 2. Образы, т.е. умственные картины (целые пачки ощущений, воспринимаемые одновременно); 3. Мысли или понятия; 4. Чувства или эмоции, — всевозможные чувства, — веселые, грустные, злые, добрые, личные, семейные, общественные, религиозные, нравственные и безнравственные, высшие и низшие и т. д. и т. д.; 5. Инстинкты, напр. родительский, половой, стадный и т. д.; 6. Хотения или стремления и интересы; 7. Действия или телодвижения, сознательные и безсознательные, волевые или вне вашей воли (рефлективные, автоматические, подражательные). Чужие слова, до наших ушей или глаз дошедшие в виде зрительных или слуховых ощущений, возбуждают сразу по нескольку сортов всех этих переживаний. При этом, и качества, и количества каждого из этих сортов бывают у разных людей различными. Но почему так? Это смотря по человеку. Чужие слова подобны искорке, залетевшей в какой нибудь склад горючих материалов. От искры разные материалы вспыхивают и горят по разному. Это смотря по горючему веществу и смотря по тому, что имеется в каком складе. Чего нет в складе, то, разумеется, и не будет ни вспыхивать, ни гореть. Поэтому, на человека, который слеп от самого своего рождения не действуют никакие слова, обозначающие напр. свет, оттенки света, разные цвета, их комбинации и т. п. А на человека глухого от рождения, не действуют никакие слова устные и никакие звуки вообще. Знаменитая американка Елена Келлер, которая была и глухой, и слепой, и немой, понимала все чужие слова только при помощи своих пальцев, удивительно чувствительных (выпуклые буквы книг, ощупывание предметов и т. д.).

Из всего сказанного видно, что чужие слова действительно представляют собой **только** возбудителей психических переживаний, а не переносчиков их. Поэтому всякий слушатель и читатель понимает всякое чужое слово **не иначе как на свой лад**. Эти понимания ни у кого не бывают **совершенно** одинаковыми. Они одинаковы лишь постольку, поскольку сходны между собою люди, и их жизнь, внутренняя и внешняя, прежняя и нынешняя. А совершенно одинаковых людей не бывает. И чем меньше сходства между людьми, тем меньше сходства и в их пониманиях **одних и тех же слов**.

Это справедливо не только для речей очень мудреных, но и для отдельных слов очень простых. Так, например, один человек, слыша слово **«лошадь»**, припоминает и умственно видит **облик** (образ) какой-нибудь лошади; а другой человек не видит никакой умственной картины и понимает это же слово без всяких красок и форм, как **понятие** о лошади. А в

третьем человеке, любящем лошадей, под влиянием того же слова вспыхивает чувство любви; а в четвертом, напр. в диком арабе или индейце, этим же словом возбуждается инстинкт борьбы, чувство силы, а то и стремление лететь на коне; иной при этом даже не может сидеть спокойно, и у него сами собой играют, шевелятся мышцы ног и рук, и лица, словно при легковой езде, и т. д.

Всех людей можно рассортовать, смотря по тому, какие психические переживания легче всего и чаще всего загораются и возбуждаются в них под действием разных чужих слов. Это значит: **спорщики бывают разных сортов или типов.** А каков спорщик, таков и его спор, и понимание. Свойства и качества каждого спорщика оказываются и на выборе слов, и на числе слов, им произнесенных или написанных. Иные спорщики страдают словобоязнью. Другие слово блудством. Иной презирает всякую книжку, где встречается напр. слово «Бог», а другой читает только такие книжки, где оно встречается. Иной молчалив, другой болтлив. Иной спорит честно, другой бесчестно, с подвохами, вывертами, с обилием двухсмысленных слов. Есть спорщики бесстыжие, циники, которые ничем не брезгуют и ничем не стесняются, чтобы «подсидеть» своего противника.

Но важнее всего этого вот что: один спорщик принимает слова за **факты**, а для другого всего важнее сами **факты**, а не слова. Так, напр., существует ли **лошадь вообще**? Нет, не существует, потому что существуют только **такие-то** лошади; существует множество отдельных и разных животных, к которым применимо общее, нарицательное слово "лошадь". А если это так, то слово **"лошадь вообще" не соответствует фактам, реальным фактам, реальности. А между тем многие принимают слова «лошадь вообще» за реальность. А существуют ли люди вобще? Тоже нет. Потому что существуют только Иван, Петр, и др. отдельные люди, а человека вообще не существует.** Подобно этому не существует ни религии, ни науки, а в действительности есть только **факты**, великое множество фактов, которые покрываются этими словами «религия», «наука». Значит, одно дело — факт, реальность, а совсем другое дело — те слова, которыми этот факт обозначается.

Вот напр. такой-то человек, очень умный и ученый, говорит нам о религии и науке, о самой сути их и о их разногласиях. Разумеется, очень интересно послушать его, а над его речами — самим нам подумать по своему. Но ведь одно дело — **слова**, и совсем другое дело — те **факты**, какие обозначаются ими; один и тот же факт разные люди обозначают разными словами, а слова относят нас от реальности. Так, напр., убийство человека человеком один называет казнью, другой дуэлью, третий—войной, четвертый — „актом правосудия", пятый — гражданским патриотическим подвигом:" слов и названий для одного и того же факта убийства, искусственного лишения жизни, придумано сколько угодно. Но ведь факт и есть факт, — только мнения о нем, да об'яснения его, да оценки его различны у разных людей. А если это так, то на всякое мнение всякого говорящего или пишущего человека, и всякого спорщика в том числе, требуется **поправка.** А для этого-то и необходимо присмотреться к самому спорщику, кто он, да каков он, да почему он понимает самую суть религии и науки так, а не иначе. Поправку на спорщика можно сделать только путем изучения его самого. И лишь после этого можно понять гораздо правильнее и беспристрастнее, во-первых, самый предмет и суть спора; во-вторых, его ход; в-третьих, его цели; в четвертых, его результат; в-пятых, его практическое значение.

Чего только не обозначается словом "наука" и словами „Бог", „божество", „религия". Батька отдал сына в „науку". Всякая трепка сыну — „наука". Оккультизм — „наука". Математика — „наука". Латинский язык — „наука" и т. д. То, что называет наукою один человек — вовсе не наука для другого. По разному понимается и слово „Бог". Этим словом когда то называли римских императоров. Ненекоторые дикари называют им своих фетишей. В Библии говорится о Боге с бородой и со здоровыми кулаками, от которых и досталось Иакову - Израилю. Деисты называют Богом не то, что тем же именем называют теисты, и пантеисты. В замечательной книге известного американского социолога В. Кидда *) приведен длинный список различных пониманий слова "религий", взятых из произведений разных философов. Интересно прочитать книгу Табрума „Религиозные верования современных ученых", — из нее видно, сколь различно понимается слово „Бог" разными учеными. **В 1912-14 г.г. итальянский социалистический журнал "Coenobium" сделал анкету среди 120 современных философов, писателей и др. интеллигентов о понимании ими слова "Бог" и „религия". Из этой анкеты видно, что эти слова применяются даже такими людьми „ни к селу, ни к городу":** что для одного атеизм, то для другого — религия, а для третьего — суеверие. **)

Человек, у которого нет собственного царя в голове, всегда может найти для себя такой авторитет, которому, с его точки зрения, можно поддакивать, повторяя его т .е. чужие слова, и не придавая решительно никакого значения тому, соответствуют ли эти слова фактам, реальности. "Верить, не верить, — иным все равно, — только бы сказано было умно", да при случае можно бы было отвертеться, — "это мол не я говорю".

Действительно, понять какое либо слово, — это значит выяснить, к каким именно фактам, каких качеств и в каком количестве приложимо такое-то слово. Совокупность этих фактов называют **об'емом** понятия.

Самая суть настоящей истины — в фактах, а не

---

*) Социальная Эволюция.

**) Confessioni et professioni di fide, Almanacco del "Coenobium" Lugano. 1912-14. 3 тома.

в словах. Слово — это только ярлык: нельзя же смешивать слова, названия, ярлыка с тем, на что он наклеивается. Ведь можно приклеить любой ярлык на что угодно. Но люди именно так и поступают, а потому их же слова застилают настоящую реальность (факты). Люди на каждом шагу называют истиной только слова и слова, а тех фактов, на которые слова могли бы опираться, они даже и не знают, а то и знать не хотят. В результате, рассуждения их — не что иное как болтовня.

Но и с фактами надо обращаться осторожно. Надо тщательно и во всех подробностях рассматривать, исследовать, изучать их, выяснять их сходства и различия, сортовать их с большой осторожностью, а выводить истину прежде всего из такого изучения фактов. Так некоторые, (немногие) люди и делают. Но и при этом нередко забывается вот что: ведь так установленная истина может считаться действительно истиной **только по отношению к тем фактам**, из каких она получена, выведена, а распространять ее на **весь** мир да на **все** времена — большая ошибка. Расширять ее понимание надо с большой оглядкой и осмотрительностью. Напр., из того, что все европейские лебеди белые, нельзя еще сделать вывода, что все лебеди всех стран таковы же (в Австралии — водятся лебеди черные). Расширенно понимать частную истину — это значит ошибаться. Многие люди ошибаются так на каждом шагу, потому что судят о целом предмете по какой нибудь частице его, напр., судят обо всем человеке по какому нибудь отдельному слову или поступку его, и т. п.

Эта ошибка постоянно повторяется и в области религии и даже науки. Напр. бывает так: человек, верующий в такого-то Бога, исповедующий такой-то символ веры (православный, католический, протестантский, магометанский, буддийский и т. д.) по большей части думает, что его вера или мнение истинна для всех людей, и что это "истина" для всех времен и народов, и что она "единственно верная истина". Такой то человек напр. верит в Бога, — и вот он уже думает, что **все** люди должны верить тоже, и что без веры невозможно жить и действовать. А другой человек не верует ни в какого Бога, и вот он уже думает, что **все** люди тоже не должны верить, и что вера — великое заблуждение и опиум для всех без исключения людей. Ничем не лучше тот ученый, человек науки, который слепо полагается на вечность того, что им называется "законами природы" или даже "законами математики": нам, людям, кажется непреложной истиной, что дважды два четыре, и эта истина постоянно подтверждается в действительности всеми фактами, какие мы, люди, видели когда либо и видим повсюду. Но вечна ли она? Да, до тех пор, пока наш мозг, а, значит, и его деятельность, **такова как теперь**. Но если изменится, с ходом времени (эволюции) нынешнее устройство человеческого мозга, изменится и его работа (функционирование). Теперь все существующее кажется нам, людям, в пространстве трех измерений (длины, ширины, высоты). Эйнштейн причисляет к ним еще четвертое, — которое нам кажется **временем***). Животные, у которых совсем нет памяти, уже по этому самому не могут знать и не знают, что такое прошлое и будущее время. Когда улучшилось устройство мозга, живые существа узнали и то, и другое время. А когда это устройство еще больше усовершенствуется — как знать, — не будем ли мы ощущать и пространство четырех, пяти и т. д. измерений? Еще один факт: до Лобачевского, Римана и Эйнштейна та самая геометрия, которую мы изучаем в школах, (геометрия Эвклида) рассматривалась как одна и та же для всех времен, веков и условий жизни. А в настоящее время выяснилось, что геометрия Эвклида правильна только для ограниченного пространства. Значит, даже геометрию, часть математики, точнейшей из точнейших наук, нельзя считать такой истиной, которая одна для всех существ и всех веков. Древний греческий мудрец Гераклит когда-то почуял, понял и учил: "все течет, все изменяется". И действительно, — изменяются и природа и мнения, которые считались абсолютной и вечной истиной о ней. Изменяются и научные формулы и теоремы, и даже законы природы. Изменяются все явления ее, их формы, их качества. Человек науки, утверждающий, что все это вечно, ничем не лучше того жреца, который утверждает, что вечен только **его** Бог. Истина вечно развивается, как и мы сами. Значит, должно развиваться и ее понимание, а, значит и ее искание. Как в религии, так и в науке. Этому исканию говорят "стоп" только человеческая тупость или деспотизм.

Но что значит искать истину? Это значит — практиковать метод ее искания. Точнее сказать, — **все** самые точные методы, к ней ведущие. Знаменитый немецкий философ Фихте правильно сказал: "не один, а много путей ведет к истине". Лишь бы эти пути были надежны, точны, и, что очень важно, оправдали бы себя путем всевозможных и для всех открытых проверок.

Самыми точными методами считаются именно те, которые **много раз** оправдали и оправдывают себя на практике, как лабораторной, так и на житейской, в обыденной жизни. Самыми точными методами, по крайней мере в настоящее время, нельзя не считать вот каких: методы точных наук, физико-математических и вообще естественных. С их помощью ныне изучаются как общественные, так и душевные (психические) явления. Поэтому, если действительно существует Бог, понимаемый в церковном или ином смысле, методы точных наук тоже должны подтвердить его существование и доказать, что Бог — вовсе не слово, а факт, реальность.

См. Dr. R. M. Bucke. Cosmic Consciousness. A Study in the Evolution of the Human Mind. New-York. 1923. 5-е изд.

По русски эта книга изложена П. Успенским. См. его очень интересный труд "Tertium Organon", Спб. 1914.

И доказать это, неопровержимо для всех людей с таким же устройством мозга и тела.

И не только неопровержимо, но предельно ясно и понятно, потому что многие люди, ища истину и идя к ней, нередко не доходят до конца, а останавливаются на полдороге. Иные боятся, а иные не хотят идти дальше. Это встречается постоянно, как среди людей науки, так и среди служителей и приверженцев всех религий. В том числе религий самых философских. Во всяком искании истины, если они действительно искренние, надо держаться правила: при и дерзай до конца. До предельной ясности понимания. А пока оно не достигнуто, не считай себя правым и безошибочным. А своих противников не считай неправыми, заблуждающимися.

Из всего сказанного нельзя не видеть, до какой степени трудно идти от словесности к реальности, от слов к фактам, и проверять и свои и чужие слова не иначе как фактами**).

Н. А. РУБАКИН.

**)Рекомендуем читателям прочесть об этом в прекрасных книгах Джевонса: "Элементарная логика". и "Трактат о науке". Обе книги перев. с англ.

Вторая статья Н. Рубакина на эту-же тему будет помещена в очередном номере нашего журнала.

Ред. Коллегия.

ПЕТРАШЕВЦЫ

Странички из истории и философии общественности.

Замечание:
Вместе с „Фрагментами" эти „Странички" подводят как бы некоторый итог, хотя бы далеко неполный, моим мыслям 1926-го года. Правда, этот итог весьма отрывочен, замыслы и мысли часто даются только в некоторых или в весьма отвлеченных и не детализированных формулах. Кроме того к ним не мешало бы присоединить еще две статьи, написанные мною в том же году, но второго экземпляра которых я, к сожалению, не имею. Тем не менее контуры цельного мировоззрения как будто уже начинают вырисовываться. А всякое цельное живое мировоззрение есть личность его автора. Следовательно, она — родилась, хотя еще и в поре своего детства? И кто скажет, что она не живет, что она не растет? Разве не волнует она и себя и других новыми и новыми актуальными вопросами? И разве хоть раз она удовлетворилась вполне найденным ответом? И тем не менее беспокойный во всем автор безусловно спокоен за свою последнюю правду.

А. С. ПАСТУХОВ.

***

Мы не знаем ни одного дня в истории, в который бы остро и напряженно не заявляла о себе задача общественного переустройства. Неисчислимые жертвы приносило и принесет человечество, чтобы найти сегодняшнее, частичное разрешение — утоление общественных мук. Как безумно-любящая мать, подносят народам свои сладкие и в конце концов мучительно-жестокие знахарские лекарства слепые вожди слепых людей. И каждый день истории болезненнее заявляет о нерешенной задаче. Устаревшие формы рабства сменяются новыми, а возрастающие аппетиты превращают рабство в бедствие даже для рабов по натуре. И вот весь мир встает на неотвратимый путь одной — социальной — революции.

История критикует сама себя. Делом поэтов и мыслителей было вложить эту критику в образы и системы. Дело общественных деятелей и эксплоатируемых масс — превращать эту критику в действие. Такой основательной критикой была в свое время Великая Французская Революция. Однако она только обнажила безумие основ общественной жизни, но... не поставила вместо них другие.

За кровавыми якобинскими масками Великой Французской Революции — П. А. Кропоткину удалось подсмотреть раздавленное террором подлинное анархическое лицо трудовых масс, пытавшихся осуществить свое творческое призвание и свободу человечества. Но анархизм рождается не только в великих нравственных подвигах масс. Он, как вечно юная революционно - общественная идея, может расти и развиваться даже через головы казалось бы практически чуждых ему движений, крыться в их незаметных уклонах, чтобы затем, найдя себе наконец, носителя-новатора и общественно-психологическую почву, резко отмежеваться и, обогащенный своеобразием этих движений, развернуться во всей массовой творческой мощи.

Поэтому, чтобы видеть пути и возможности анархического движения, мы вскрываем их и там, где нет строго очерченного анархического лика, но внутренние глубины исканий томятся жаждой его. Таковым, в своей основе, и было маленькое общество Петрашевцев, одна из первых ласточек революционно-народнического движения прошлого века.

Фурье — имя и мировоззрение, вокруг которого собралась эта небольшая, но яркая плеяда будущих общественных деятелей, мыслителей и литераторов России. Само это имя уже говорит о каких то глубоких симпатиях к анархическому мироощущению, к анархическим формам жизни.

На похоронах Революции зазвучало его гениальное слово, предлагающее пройти мимо кровавых путей насильственных переворотов и мимо бессильных частичных реформ, пройти сразу к новому, совершенному, гармоничному строю жизни. И слово это было все же глубоко родственно по духу Революции.

„...я не переставая буду стараться внушать отвращение к полумерам, необходимость итти прямо к цели, закладывая фундамент прямо для прогресса,

который, дав наглядное доказательство "Гармонии Страстей, приведет все народы — цивилизованные и дикие, без исключения — ко всемирному единству"! — в 1808 году в "Теории четырех побуждений" пишет Фурье.

„Гармония Страстей"— в этой основной формуле выражен весь Фурье: и основная аксиома его резкой и яркой критики Цивилизации, и начало, определяющее возможности и формы его „Совершенного Строя", и внутренний организующий закон общественности с точки зрения его мировоззрения.

Тонкий анализ основных движущих сил (страстей — по терминологии Фурье) души человека служит для Фурье окончательным доказательством возможности свободной гармонической общественности. И дело „социальных инженеров", дело их науки — на основе детального изучения материальных и духовных потребностей человека и лучших средств их удовлетворения разрабатывать формы гармонической общественности, управляемой только умелым направлением движущих сил человеческих душ, т.-е. "гармонией страстей". Невольно вспоминаются боги Платоновского „Крития", управлявшие так же Атлантидой.

Это, чисто-анархическое, решение социального вопроса было так заманчиво, так легко казалось подойти к нему совершенно мирным путем, не разрушая насильственно исторически-сложившихся форм жизни, но заменяя их через обращение к разуму их сторонников, через опытное доказательство в фаланстерах преимуществ „Совершенного Строя" Фурье.

Для нас теперь так детски наивна эта вера во всеисцеляющую мощь такого обращения. Но ведь тогда только что пережили выдвинутый Революцией культ Разума, тогда еще только расцветало такое по детски свежее, хотя еще и наивное, доверие к этой могучей стороне человека. Фурьерист Консидеран, манифест и некоторые теории которого легли потом в основу известного манифеста Маркса, пытался даже парламентским путем осуществить фурьеристские эксперименты.

Русское студенчество, в том числе и то, которое потом составило ядро Петрашевцев, знакомилось впервые с учением Фурье между прочим на лекциях политической экономии и статистики В. С. Порошина, одного из самых любимых студентами профессоров С. — Петербургского Университета. Это был характерный тип новой, не-казенной, гуманитарной профессуры, сделавшей потом университеты рассадником „крамольных" идей.

То было время первого пробуждения широкой российской общественности, время, по меткому слову Аполлона Григорьева, "борьбы мысли с фактом" — с фактом николаевской эпохи. Назрела потребность в реформах, но не было людей, способных выполнить их. Умный, но — „отечески" деспотичный Николай сковал своим казарменным порядком жизнь столицы, не доверяя ни общественной самодеятельности, ни бюрократии, и в то же время, быть может, чувствуя свою унизительно-рабскую зависимость от этой, насквозь прогнившей, трепещущей его слова, бюрократии. Ибо такова судьба всякого вершителя судеб, который боится вольного ветра Свободы: он делается рабом своих собственных химерических созданий.

Общество замкнулось в клетки, жившие своими бытовыми интересами и чуждые друг другу до взаимного непонимания,соприкасавшиеся лишь при исполнении служебных обязанностей. Мы знаем, как мучительно переживал Ф. М. Достоевский свои литературные соприкосновения с господами жизни. Образ общественной пирамиды, раздавившей своими человеческими колоннами жалкого Мичулина из повести М. Е. Салтыкова-Щедрина „Запутанное дело", как нельзя более ярко рисует жизнеощущение „бедных людей" николевской эпохи, а многомиллионное крестьянство и совсем было вне всякого „общества".

Но как ни монументален был колосс николаевской системы, как ни выкован он был муштрой и почти религиозным благоговением перед могучей личностью Николая (ср., напр., „Исповедь" М. А. Бакунина), и этот колосс оказался на глиняных ногах. Разложение подкралось к нему сразу со всех сторон.Уже упомянутая гнилость бюрократии в городе подчеркивалась помещичьим разнузданным произволом и хищничеством в крепостной деревне, в результате чего падало и разрушалось крестьянское хозяйство. Здесь помещичьи аппетиты сталкивались с одной стороны с финансовыми интересами беднеющего государства, с другой — с вопросом о жизни и смерти питающегося мякинным хлебом крестьянства. Общение с Европой поставило на очередь вопрос о применении капитала техническими методами Европы, что вставало в противоречие с невежеством и малой производительностью труда крепостной России. То же общение с Европой потребовало создания бюрократии европейского типа, которая, с одной стороны, вставала в противоречие со старыми укладами быта, с другой — противоречила своеобразию русской психологии. Поэтому вполне понятно, что „немцы" оказались самыми превосходными слугами жандармской системы Николая. Тогда как выходящие из высшей школы русские интеллигенты отнюдь не были расположены быть винтиками этой системы, и, лишенные возможностей действовать в среде рабочего народа, даже изучать его, тянулись к тем далеким и красивым идеалам, что доносились с Запада. Вокруг интереса к западным веяниям, вокруг обсуждения их ценности этой ищущей выхода своим духовным силам молодежью вырастают общественные сближения, кружки, в среде которых схваченным на лету западным идеям давалось уже свое, русское, развитие. Так в Москве выросла широкая идейно- общественная работа вокруг удивительной личности Герцена. В Петербурге такой связующей личностью оказался Петрашевский.

Конечно, в развитии общественности этого времени имело колоссальное, часто решающее значение и наследство русских общественных движений преды-

дущей эпохи. Но за ограниченностью места и времени мы не остановимся на этой стороне. Скажем только, что необычайной остротой переживания казарменного ужаса эпохи, что ярко сказалось на литературе, интеллигентная молодежь того времени обязана именно этому наследству.

Петрашевский, увлеченный еще в Университете дивными анархическими построениями Фурье, по его собственным словам, „обрек себя на служение человечеству, и стремление к общему благу заменило в нем эгоизм и чувство самосохранения". Случайные дружеские беседы в его квартире постепенно приняли все более и более серьезный характер, с 1845-6 г. г. получили характер постоянных собраний, и перебросили свое влияние в далекую провинцию, напр., в Ярославскую и Казанскую губ. Характерно, что здесь были разбиты почти всякие социальные перегородки, хотя еще и не был найден достаточно ясный общий язык.

Юрист по образованию, переводчик и ходатай по частным делам — по заработку, Петрашевский был тем не менее весьма живой, любознательной и разносторонней натурой. Если вы взглянете на список тем и вопросов, отмеченных им в 1842-3 г. г. под заголовком „Запас общеполезного", то вы поразитесь необычайным их разнообразием. Такие качества и недюжинный ум, а также удивительная способность примирять и об'единять несомненно в высокой степени выдвигали его, как связывающий центр умственного брожения интеллигентного общества того времени. Время узких, резко отмежеванных партий было еще далеко. На пятницах Петрашевского бывала чуть ли не вся лучшая интеллигенция Петербурга. Личная библиотека самого Петрашевского, а после и с'организованная им коллективная, привлекала их туда быть может не менее, чем сами беседы. Ведь там были и журналы фурьеристов и сочинения Фурье, Прудона и др. мыслителей, даже Штирнер, были и любимые в то время романы Жорж Занд и т. д., даже запрещенные новинки...

Тем не менее, частью в силу конспиративных потребностей, частью благодаря некоторых, для многих неприятных, черт характера Петрашевского, а также потому, что у некоторых посетителей Петрашевского начали отливаться свои задачи деятельности и формы мировоззрения, — возникают другие беседные собрания: у Кашкина —'чистых фурьеристов', у Дурова — литераторов и т. д.

Все такие собрания, конечно, носили чисто культурнический характер. Всякая, случайно возникающая тема разговора живой, отдыхающей на этих разговорах от духоты русской жизни, ищущей интеллигенции подхватывалась тесным ядром осознавших свои цели и сгруппировавшихся вокруг Петрашевского молодых русских фурьеристов, подхватывалась и направлялась к „Риму": к истинам фурьеризма, к критике существующего, к проэктам реформ русского общества. Иногда читались специальные доклады.

Такая устная пропаганда методами самообразовательных и культурно-просветительных бесед — это почти все, что могли сделать Петрашевцы. И тем не менее этим было сделано так много, что на почве, ими возделанной, смогли уже вырасти пышные всходы 60-х и 70-х годов.

Не было у них недостатка в проэктах и попытках выйти на более широкую дорогу социального действия. Но отсутствие социального опыта и массовой почвы, оторванность их от народа и, наконец, тяжесть николаевского режима — все это встало перед ними неодолимым препятствием.

Долгое время на пятницы Петрашевского правительство не обращало никакого внимания. Хотя еще в 1844 году, в результате одного обыска в Петербургском лицее, Петрашевский был взят на некоторое время под полицейский надзор. А в 1846 году был из'ят из типографии, у издателя и у книгопродавцев замечательный второй выпуск книги „Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым", составленный при непосредственном сотрудничестве Петрашевского и, вызвавший целый цензурный скандал. Дело в том, что Петрашевский замечательно ловко использовал этот „Карманный словарь" для пропаганды своих идей.

Но только в феврале 1848 года знаменитое „III-е отделение собственной Е. В. канцелярии" забило тревогу: Петрашевский отлитографировал и пустил в обращение свою записку по крестьянскому вопросу. Обратили внимание и на пятницы. Началось наблюдение.

А Петрашевский был доверчив. Петрашевский шел с открытой душой навстречу опасности. Может быть он был и прав: может быть в то время только таким путем и можно было что нибудь сделать. Его теория дискредитирования царского произвола ссылкой на государственные законы поддерживала его в его неосторожности: он действовал законными средствами. Но все это облегчило „работу" III-го отделения.

Липранди, известный по рассказам среди раскольников и сектантов, и которому была поручена и эта „работа", скоро нашел и способного и ловкого агента, быстро вторгшегося в полное доверие Петрашевского. Это был сын академика живописи, П. Д. Антонелли, и с января 1849 года уже начинаются его донесения. А в пятницу, в ночь с 22-го на 23-е апреля 1849 года почти все посетители пятницы Петрашевского были арестованы. Всего — до 50 человек.

Характерно для кружковой революционной среды (психология ее по личным наблюдениям среди Петрашевцев ярко развернута Ф. М. Достоевским в его бессмертных „Бесах"), что в январе 1849 г. о самом Петрашевском стали ходить слухи, что он — агент-провокатор III-го отделения. Конечно, он не склонился перед этим слухом: дело революции — бесконечная, абсолютная жертва. Жалок тот, кто не сумеет отличить лжи от истины, кто остановится в трепете перед неотвратимым.

22-го декабря 1849 года наиболее — живую

часть Петрашевцев, в числе 21-го человека, после 8-ми месячного заключения в одиночках Петропавловской крепости, привезли на Семеновский плац. Там им прочли конфирмацию смертного приговора через расстрел и приготовили их к казни. Петрашевского, Момбелли и Н. П. Григорьева с завязанными глазами привязали к столбу. Раздалась подготовительная команда, солдаты взяли на прицел и... ударил отбой, привязанным к столбу развязали глаза и прочли им действительный приговор: Петрашевскому — бессрочная каторга, Ф. М. Достоевскому — 4-х летняя каторга, и по отбытии ее — определение в рядовые, и т. д. в этом роде.

Что же это были за люди, чего они хотели, — если с ними так жестоко расправилось правительство, если в них оно нашло опасного личного врага. Многие из них и в ссылке проявили себя, как талантливые деятели, некоторые стали после светочами национального гения.

....В приговорах красной нитью проходит обвинение в стремлении к низвержению существующего строя. В секретной записке-мнении Липранди подчеркивается, что он нашел в деятельности Петрашевцев „всеоб'емлющий план общего движения, переворота и разрушения", „адский план".

Конечно, это было не так: за исключением Петрашевского, Спешнева и еще немногих других, приговоренные и не помышляли ни о каком низвержении, да и у этих лиц это скорее было мечтой, заставлявшей присматриваться и прикидывать возможности (разговоры с Черносвитовым о возможности восстания по Уралу), а никак не углубленно-планомерной постановкой задачи. Но реальная планомерность развития их деятельности несомненно была, независимо от воли самих деятелей. Эта планомерность естественно определялась общественным строением тех идей, которые их одушевляли, которые через них, частью сознательно, частью рефлективно развертывались и действовали в окружающих общественных отношениях.

Разные люди по разному видят общественную жизнь. Для одних она — как куча разноцветных камней, увлекаемых — размываемых потоком времени, и толкающихся, трущихся и раздавливающихся друг о друга по всем законам единой для всех механики. Для других — это диалектика пестрых струй потока времени, переливающихся по особым диалектическим законам потока. В противовес таким однообразным (монистическим) пониманиям, а, в сущности, только перефразировкам, вопроса, гениальный Н. Я. Данилевский, лучший знаток фурьеризма в среде Петрашевцев, развил, отчасти под влиянием фурьеристских принципов, своеобразное „естественное" понимание общественной жизни.

„Морфологический принцип", положенный им в основу знаменитых книг „Россия и Европа" и „Дарвинизм" и есть тот самый принцип, который обосновывает реальную возможность и историческую „необходимость" осуществления „Гармонии страстей" Фурье. Лишь теперь, когда основные мысли книги „Россия и Европа" столь блестяще, хотя и по-немецки схематично, но почти в той же терминологии изложены и дополнены О. Шпенглером в его нашумевшем „Закате Европы", а положения „Дарвинизма" защищаются и развиваются такими учеными, как Вавилов и Берг, нам уясняется колоссальный философский и научный вклад, сделанный Н. Я. Данилевским.

Согласно этому принципу, в среде всевозможных общественных отношений существуют и взаимодействуют своеобразные естественные единства, характеризующиеся некоторым рядом признаков и закономер но определяющие собой характер тех или иных общественных отношений, аналогично тому, как и среда физико-химических отношений живет и взаимодействует посредством своеобразного для каждой формы изменения этой среды, целый мир растительных и животных форм.

Данилевский, как биолог, всецело сосредоточился на национальных культурах, понимая все остальное в жизни этих культур только как выражение этих культур. Мы расширим область применения морфологического принципа, утверждая, что на ряду с формами национальных культур историк должен заметить единства других видов, имеющие не менее самостоятельное и своеобразное значение, и для которых национальные культуры являются в свою очередь средой их жизни.

Таким естественным общественным единством является, например, идея свободы, выражающаяся в анархических движениях мира. Синдикализм и Социальная Революция, как методы освобождения от власти, экономики и политики; коммунизм, как метод уничтожения возможностей возникновения этой власти внутри общества, и, наконец, индивидуализм, как форма преодоления всякого рода духовного авторитаризма — это все лишь разрушительные обнаружения одной и той же анархической идеи, как массовой формы общественной жизни. Конечно, тот, кто не увидит во всем этом внутреннего, радостно-творческого облика анархизма, обнаружение которого определяет собой и разрушение всех препятствий на пути этого обнаружения, тот слепо пройдет мимо, для того анархизм не существует, нереален.

"Гармония страстей" Фурье, как мы уже отметили, только своеобразное структурное выражение той же анархической идеи. Дальше, при анализе взглядов Петрашевцев мы углубим его.

Но Петрашевцы в целом были не только общественным обнаружением фурьеризма в России. Нет, Петрашевцы, это, для того времени, просто — вся грядущая, прогрессивная Россия, это—зародыш всех, после разделившихся, ветвей прогрессивного и революционного действия. Появились Петрашевцы, значит — существующий режим бесповоротно пришел к крушению, дело за временем. В них пришла новая Россия — в этом их колоссальное симптоматическое значение в истории. В этом и была их "вина" перед всемогущим, но уже почувствовавшим первые шаги своей смерти режимом.

Агитационная литература для крестьян („Десять Заповедей“ студента Филиппова) и для солдат („Солдатская беседа“ Н. П. Григорьева), пропаганда через преподавание (Ястржембский, Толль и др.) и печать („Карманный словарь“), пропаганда через личную помощь (дешевая и бесплатная юридическая помощь самого Петрашевского) и попытки социального эксперимента, (неудачный “Фаланстер“, построенный им для крестьян на собственные средства), а также организованной взаимопомощи (проект Момбелли о „Братстве взаимной помощи“), наконец, план тайного общества из сети пятерок, составленный Спешневым, устройство тайной типографии по чертежам Филиппова и переговоры Спешнева, Черносвитова и Петрашевского об организации восстания, — все это были яркие первообразы дальнейшего развития революционной работы в России. Любопытно, что Петрашевский пытался предвосхитить грядущую республику в своем интересном проэкте Черкесской республики на Кавказе.

С другой стороны здесь же разрабатывались и формы необходимых, попутно развитию основного дела, общественных реформ, тех самых, которые и осуществила, правда, куцо, следующая эпоха, особенно в крестьянском вопросе, судопроизводстве и в вечно-больном вопросе о свободе печати.

Не меньшая полнота представительства новой России сказалась и в многообразии социальных мировоззрений, имевших место в среде Петрашевцев. Так Тимковский предложил поделить после Революции всю землю на две части: одну — для опыта фурьеристов, другую — для опыта коммунистов (немецкого типа). Спешнев в своем проекте тайного общества предложил организацию трех школ пропаганды: фурьеристской, коммунистической и либеральной.

В то же время и здесь столкнулись две общих всем временам формы мировоззрения: космополитизм и индивидуализм (так как я не нашел более точной терминологии этого противоположения, то останавливаюсь, но не настаиваю, пока, на этой). Своеобразно преломленные в Москве они приняли там формы западничества и славянофильства. Сам Герцен, ко времени расцвета деятельности Петрашевцев уже уехавший заграницу, соединял западнические интересы исторического момента с глубинной родственностью славянофильству в предчувствиях особой исторической миссии России, в осознании исключительной ценности внутренней революции, выдвигающей окончательное раскрепощение индивидуальностей во всем их своеобразии. Здесь два пути революции, и один из них уже во всем росте предстает пред нами, а другой еще где-то под землей прорастает.

Первый тип — космополитический — с необычайной яркостью выразился в самом Петрашевском. Уже в ранних записях его отмечается: „Внимание людей, истинно желающих содействовать к всестороннему усовершенствованию человечества, не должно ли быть обращено на самый корень зла, на самое уничтожение тех ужасающих душу всякого благородного человека учреждений, которые служат неопровержимыми препятствиями человеку сделаться истинно-достойным имени человека, не должны ли они преобразовать совершенно те формы общежития и всех отношений, какого бы рода они ни были... которые являются помехой к благоденствию полному и совершенному человека, взятого в отдельности, т.-е. целого человечества в целом“.

Здесь сказавшееся уже тогда революционное по духу отношение к учреждениям,к формам общежития, сдавившим свободу человека, характерно определяется идеалом всесторонне-развитого человека, понимаемого, как общечеловеческое, космополитическое.

В статье „Нация“ (Карманный словарь) это им уже вполне отчетливо, по отношению к нации, подчеркивается:

„Только постепенно развиваясь, т.-е. утрачивая свои индивидуальные, частные признаки или прирожденные свойства, нация сможет стать на высоту человечественного, космополитического развития.... тогда только развитие ее жизненных сил будет совершаться гармонически с требованиями целого человечества.“

(Окончание следует)

Москва. **А. С. ПАСТУХОВ.**

ВЕЧНЫЙ БУНТ

В философском безумьи Анархизма
Буду вечно кричать: долой!
Предрешенности Смерти и Жизни
Не приял Дух бунтующий мой.
А. Консе. „Mistica“.

Целые биллионы лет,
А я хохочу пред лицом Вселенной.
Кто я, мистик, философ, поэт?
Иль фигляр, иль безумец надменный?

Кто я, червь, трусливый земной,
Затонувший в зловонной луже?
Или вихрь, или смерч ледяной,
Поседевший в космическом ужасе?
Кто я, не ждущий ответа
И вопрошающий сам?
В робком сияньи рассвета —
Я обреченный Титан.

2.

Я не грубый дикарь,
Я не галл и не гунн.
Дух мой — Вечный Бунтарь
Волит в Вечный Бунт.
Вашей смиренной судьбой
Силы моей не избыть!
Закономер Мировой
Я не приму без борьбы!
В вихре горящих планет
Падает крик мой, звеня;
Я говорю им: нет,
Не смейте кружить меня!
Солнцу велю: не свети!
Тьме прикажу: осветись!
Силы и мысли мои
Волят в бездонную высь.
Тесно Душе Бунтаря
В клетке земли глухой.
Если бы сбросить, боря,
Темный Закон Мировой.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

НАША МЕЖДОУСОБИЦА И РАЗНОГЛАСИЯ

Мы и без голов ничего не сумеем устроить, несмотря на то, что наши головы всего более и мешают нам понимать.

Ф. М. Достоевский.

В очередном номере парижского журнала "Дело Труда" (№ 50-51), как всегда, почти добрая половина посвящена "козням" и „предательству" рассветовцев и пробужденцев, все еще продолжающих заниматься „подкопами" и „заговорами" против анархического движения.

Все еще страж, верховный попечитель и блюститель анархических нравов, Петр Аршинов, как архангел Гавриил с копьем, сражается с рассветовской „гидрой", которой он никак не может уничтожить.

Скоро уже исполнится пять лет, как укрепившийся во французской столице наш анархический рыцарь мечет отравленные стрелы в своих воображаемых заокеанских врагов, и все безрезультатно.. Враги его и по сей день здравствуют: видно каленые его стрелы не долетают в далекую Америку, и не попадают в цель.

Пошел слух, что загрустил наш Петрушка от неудачи и запил в Монмартских ночных кабачках. Проснится, говорят, да как взглянет на новый номер "Пробуждения" и ну, опять, давай пить. И от чрезмерного беспробудного перепою помутился разум у человека. В момент прояснения о чем ни стал-бы он писать — непременно сведет речь на рассветовцев.

Давно уже указывалось на опасное душевное состояние т. Аршинова. Пять-шесть лет назад у него проявлялись припадки буйного помешательства, когда он избил своего товарища по группе Анатолия Горелика. Уже тогда американские анархисты, протестовавшие против аршиновского мордобития, сомневались в нормальности Петрушки. Если — говорили они — анархист против анархиста пускает в ход кулаки, то он — одно из двух: сумасшедший или хулиган. А так как Аршинов еще не в сумасшедшем доме, то он пока должен быть причислен к разряду хулиганов.

Аршинов утешает своих соратников, побаивающихся его кулаков тем, что его, аршиновские, зуботычины нельзя почитать хулиганским поступком, а "революционным" актом, ибо все его существо горит революционностью, а его руки, бьющие по-морде, тоже являются революционным орудием.

За одно бедой, — говорят, — следует другая. Не успел Аршинов сжить со света, похоронить и вбить осиновый кол на могиле рассветовцев и пробужденцев, как им были открыты новые „враги" в Москве — анархисты мистики. Это сбило его совсем с панталыку.

Сражаясь против этой новой воображаемой опасности, бедняга так запутался в мистическом лабиринте, что из него уж вряд-ли выпутается, и наверное попадет в сумасшедший дом.

—x—

Кампания против московских анархистов — мистиков началась несколько месяцев назад с появлением в "Д. Т." коллективного заявления А. Борового, Худолея, Хархардина и других не мистиков — анархистов о выходе их из состава комитета Кропоткинского музея.

В течение нескольких лет мистики и атеисты уживались в Кропоткинском музее, принимали участие в совместной работе и т. д. Затем началась, очевидно, борьба за первенство между двумя профессорами: мистиком Солоновичем и атеистом Боровым.

Состоявшийся между ними диспут не устранил недоразумений, а только осложнил их. Боровой и Солонович, как известно, люди различных мировоззрений. Как мистик, Солонович верит в бессмертие души, в своеобразные формы жизни духа после разрушения его земной оболочки, в перевоплощение и т. п. фокусы.

Атеист Боровой стоит на противоположной точке зрения. Все эти мистические фантазии он отвергает, и, как материалист, верит в небытие души, духа, какой бы то ни было загробной жизни и т. д.

Правы-ли мистики или атеисты в вопросе о загробной жизни — на этот вопрос наука и философия не дали еще окончательных ответов. Наука пока еще

не достигла такого совершенства, чтобы разгадать и точно об'яснить то, что происходит в момент смерти человека, т. е. исчезает-ли всякий след его существования, или его душа продолжает жить, приняв какую-то новую невидимую невещественную форму. На этот счет имеются только догадки и предположения. Может быть правы мистики, верящие в бессмертие души, но пока это тоже ничем не подтвержденное утверждение, требующее доказательств.

Казалось бы, что этот спор о возвышенных небесных материях ничего общего не имеет с нашими земными делами, а тем более с анархизмом. Анархизм занимается вопросами устроения лучшей, идеальной и свободной жизни на земле, и в этом должны быть заинтересованы все люди: атеисты, мистики, материалисты, идеалисты и т. д.

Когда мы умрем, тогда нам откроется тайна смерти. Споры об этом пока преждевременны и бесполезны. И так как всегда были и будут различные люди— мистики, атеисты и т. д., то логически мы должны признать право за каждым человеком верить так, как это ему кажется правильным. Спорить из-за загробной жизни живым людям смешно и глупо.

А между тем, мы видим, что в Москве далеко не глупые люди, да еще профессора, заспорив о небесных материях, перенесли свой спор на земные дела, который закончился уходом из Кропоткинского музея целой группы анархистов - атеистов во главе с проф. Боровым только потому, что в музее работает проф. Солонович, такой-же анархист как и Боровой, но только верящий в то, что и после своей смерти он может быть будет бунтовать в небесных сферах и пропагандировать анархизм среди бестелесных существ.

Уход группы Борового из музея был добровольным и ничем неоправдываемым. Даже „Д. Т.", отнеслось неодобрительно к этому демонстративному поступку. Боровой и его сторонники атеисты просто испугались мистиков, капитулировали перед ними и позорно бежали из Кропоткинского музея в тот момент, когда, по их же словам, в нем укрепились мистики "враждебные" анархизму. Как раз тогда, когда больше всего требовалось присутствие в музее анархистов-атеистов, чтобы дать отпор мистикам, Боровой и Ко. сложили оружие и покинули поле брани. Вот так воины! Вот так показали, что они умеют и могут защищать чистоту анархических идеалов!

Когда Демосфена упрекнули в том — почему он убежал с поля брани — он на это ответил: "Тот, кто убегает, может еще воевать опять". Так и случилось с группой беглецов Борового. Отряхнув прах от Кропоткинского музея и отдав его в полное распоряжение мистиков, они повели против них "партизанскую" войну, путем дальнего и окольного обстрела на страницах "Д. Т." Заодно они взяли под обстрел рассветовцев и пробужденцев, которые всегда охотно печатали в своих изданиях присылавшиеся анархистами из СССР материалы безотносительно к тому — являлись-ли авторы их анархистами мистиками или анархистами - атеистами. Не было, кажется, ни одного случая отказа в помещении статей, присылаемых из Москвы, Киева и других городов только потому, что статья была написана атеистом или мистиком. Американские издания, вследствие недостатка литературного материала и отсутствия интеллектуальных сил, не брезгали никакими статьями, даже с примесью мистицизма потому, что нам не из чего было выбирать, и мы были благодарны за всякие анархические статьи.

Со времени разгрома анархического движения в СССР прошло уже около 10 лет. В продолжение этого времени Боровой, Рогдаев, Бармаш и др. бездействовали в СССР в силу политической реакции. Никто из них не интересовался американским анархическим движением и не написал ни одной статьи ни для "Волны", ни для "Американских Известий", не говоря уже о "Рассвете" и "Пробуждении". А между тем американские анархисты их сотрудничества желали и искали. В конце концов, разочаровавшись в ожидании помощи от наших ветеранов анархистов в СССР, они махнули на них рукой.

Если-бы не склока в Кропоткинском музее, то о существовании наших старичков-анархистов в Америке совсем позабыли-бы. Но когда в Москве у них произошло столкновение с мистиками, то они громко закричали, и, не ограничиваясь пределами СССР, вынесли свой спор на международную улицу: пусть, мол, весь мир знает, что я, Боровой, посорился с треклятым мистиком Солоновичем.

———x———

Вслед за коллективными протестами группы Борового против мистиков, в "Д. Т" (№50-51) появилась анонимная, подписанная никому неизвестным псевдонимом "Юр. А-т" статья "Трубадур мистического анархизма А. А. Солонович", замечательная тем, что в ней критика мистицизма переплетается с самыми низкопробными выпадами личного свойства, клеветой, явными измышлениями и даже провокацией и доносом по начальству.

Автор статьи, судя по стилю и форме изложения, — образованный человек, близко знавший Солоновича, ставший теперь его смертельным врагом, не брезгающим никакими средствами, вплоть до доноса, что бы только уничтожить политически и физически своего соперника, которого он не мог одолет в открытом, честном бою в Кропоткинском музее.

Только послушайте до какой глубины нравственного падения может дойти такой высококультурный человек, как автор статьи о Солоновиче, в котором мы подозреваем его известного конкурента.

Вот несколько цитат из этого замечательного произведения:

..."Внешнее безобразие (Солоновича; автор статьи, видно, красавец) придает энергии его внушения особую силу, особенно действующую на восторженных натур и женщин"...

..."Физиономия его, (Солоновича) как я уже упоминал, безобразна. Еще безобразнее его внутреннее

существо"...

Другие смертные грехи Солоновича состоят в следующем:

Он — мистик. Он участвует в оккультно-мистических кружках. Он считает себя "папой", "спасителем", "полубогом".

Он пишет стихи, но они никуда не годны по форме и их нельзя понимать. Его лекции 'бессодержательны и бессистемны". Он написал шеститомный труд о Бакунине слишком скоро — менее, нежели в два года. Он возвеличил Бакунина и разругал Маркса (Какое преступление!) Когда-то он потребовал с анархического издания "самый живодерский гонорар". Солонович оклеветал Р-ва и Пастухова. Солонович — антисемит и вместе с тем, "он втягивает евреев в побочные вспомогательные организации" (вот так штука: не любит и втягивает евреев). Солоновича при царе судили "за оккультно-порнографическую поэму", Солонович — белогвардеец и т. д. и т. п.

Обвиняется Солонович еще в том, что в 1914-1917 г. г. он оборонец, и в своих стихах призывал "бить немцев". По мнению автора пасквиля, это — большое преступление. Кайзерские войска надо было впустить в Россию без всякого сопротивления и превратить, если не всю, то значительную часть России в германскую колонию. Солонович, очевидно, не разделял подобных легкомысленных взглядов, и вместе с другими серьезными анархистами, в том числе Кропоткиным и Гравом, стоял на точке зрения необходимости защиты страны от внешней опасности. Ленинская пораженческая политика, как известно, потерпела полный крах, и оборона страны стала для большевицкой партии вопросом жизни или смерти.

Анархисты, как это известно из опыта махновского партизанского движения, тоже превратились в ярых оборонцев, когда убедились в опасности революции,вытекавшей из германской оккупации.

Все злое и преступное, по мнению анонимного доносчика, воплотилось в личности Солоновича, и чего только позволяют этому человеку оставаться еще на этом свете.

Автор, этой злостно - клеветнической и низкой статьи, построенной на выдумках и фантастических предположениях и обвинениях, — обливает грязью не только своего живого соперника, но тревожит прах покойного Карелина, который для дела пропаганды анархизма в России и Америке сделал больше, чем кто-либо из ныне здравствующих русских анархистов.

Известно, например, что Карелин в до-революционное время почти один заполнял многие номера американского "Голос Труда", в котором печатались его статьи под разными псевдонимами. Кропоткин, например, был очень высокого мнения об этих статьях Карелина. Он был самый выдержанный и последовательный анархист-коммунист. В своих статьях он никогда ни единым словом не обмолвился о мистике. Он всегда строго разграничивал личное — мистику — с общественным делом — пропагандой анархических идей.

Одно предположение о том, что мистические произведения Карелина "Маги", "Два Калиостро", "Свет нездешний" могли появиться в американских изданиях указывает на полное незнакомство автора клеветнической статьи с американским анархическим движением. Он, повидимому, никогда не видал в глаза ни 'Голоса Труда", ни "Волны", ни "Ам. Известий", ни "Рассвета", ни "Пробуждения".

И несмотря на свою полную неосведомленность о положении дел в Америке, он берется заочно, не имея никаких данных и доказательств, выносить нам обвинительные приговоры.

И кто это делает? Боровой и Ко., которые в продолжение десятка лет стояли в стороне от заграничного анархического движения, не интересовались им, не помогали ему хотя-бы своим сотрудничеством, статьями, и только вспомнили о нем тогда, когда чего-то не поделили в Кропоткинском музее.

Они разодрались между собой по причинам, не совсем нам еще ясным, и рикошетом ударили по американскому анархическому движению и без того терзаемому внутренними распрями и раздорами.

Вместо ожидаемой моральной поддержки и помощи литературным сотрудничеством в нас бросили еще один ком грязи. Горше всего то, что обвинив Солоновича в различных тяжких преступлениях, оклеветав его, автор доноса прикрылся псевдонимом, не имея смелости от своего имени бросить все эти обвинения в лицо своему противнику просто потому, что они являются выдуманными, и он их ничем не может подтвердить кроме своих голословных клеветнических заявлений.

—————x—————

Следует сказать несколько слов о помещенном в том-же номере "Д. Т." еще одном протесте группы рабочих - анархистов из "Москвы". Заключаем последнее слово в кавычки потому, что этот протест очень уж забавный и подозрительный. При внимательном ознакомлении с ним сразу-же возникает сомнение в его подлинности. Сразу-же видна жульническая аршиновская рука, сфабриковавшая этот вымышленный фиктивный протест из "Москвы". Протестует, разумеется, сам Аршинов, а не анархисты-рабочие из "Москвы". Сочиненный под пьяную руку "протест" выдает Аршинова с головой.

Подписан "протест" выдуманными именами: "Анатолий; Костромин; Данил; Андрей; Марк". Почему к этим никому неизвестным и не существующим именам поддельных дел мастер не прибавил еще с парочку Иванов и Степанов — неизвестно. Своего подлинного имени Петька, конечно, не поставил под протестом.

Против чего-же протестуют "рабочие-анархисты из "Москвы"? Все против тех же "разлагателей" анархического движения пробужденцев и рассветовцев.

Протест появился в свет вот как: собрались этак однажды в Москве Данила, Марк, Андрей и др. и давай судить "изменников" и "предателей" рассве-

товцев и пробужденцев.

И хотя они слыхом не слыхали и видом не видали ни "Пробуждения", ни "Рассвета", а обвинительный вердикт все-таки им вынесли. Ссылаются авторы этого странного протеста на присланные им "вырезки из газеты "Рассвет" и "Пробуждение" и ряд писем от участников анархического движения за границей".

Какие это "вырезки" и что это за "письма" из-заграницы в протесте из "Москвы" ничего не говорится. Кто авторы этих писем, в чем они обвиняют американских, непослушных Аршинову анархистов, в протесте мы тоже не находим ответов.

Правильна-ли эта информация, пытались-ли "анархисты-рабочие" проверить по другим источникам брошенные американскому анархическому движению обвинения — нельзя узнать из протеста. По всей вероятности московские ребята, получившие от Аршинова ложную информацию, проглотили ее, не дав себе труда подумать о том, что в наш век разврата и морального падения имеются подлецы, склочники и дезорганизаторы, врущие без всякого зазрения совести.

И, наконец, что это за такие крамольные вырезки из "Р" и "Пробуждения"? Каково их содержание, когда инкриминируемые статьи были напечатаны? Не послал-ли им Аршинов вырезки из какой-нибудь монархической или буржуазной газеты, выдав их за статьи из "Рассвета" и "Пробуждения"?

Откуда вы, люди хорошие, взяли, что мы "открыто выступали против революционного и анархического движения Северной Америки во имя мистического "анархизма"?

Какие у вас имеются факты и доказательства этому? Вы укажете на сотрудничество у нас мистика Солоновича. Но ведь Боровой тоже совместно работал с ним, и все-таки остался атеистом и не погиб в пучине мистицизма. Сотрудничали и сотрудничают у нас не только мистики, но и атеисты, не только революционные анархисты, но и мирные анархисты толстовского толка. В наши издания ни одному анархическому течению пути не заказаны. На каком-же основании вы сваливаете всех нас в одну кучу и навязываете нам ярлык мистиков? Разве это не демагогия и шулерство?

Если мы — мистики, то значит, на все способны — даже на "помощь полиции в борьбе с революционным движением". Факты, доказательства — о, это — не важно: Данила и Марк в Москве предположили, что мы "помогаем полиции" — значит это и есть так.

Американские анархисты, знакомые с тем — кем, когда и как создавались "В" и "Ам. Изв." и почему они прекратили выход, почему появился журнал под другим названием и кем и почему были проданы нью-йоркские машины — только посмеются над тем в какое глупое положение попадают люди, берущиеся судить о вещах, о которых они не имеют ровно никакого представления. Все эти вопросы неоднократно у нас уже раз'яснялись, и останавливаться на них на сей раз не приходится.

В "протесте" имеется ссылка на две передовицы. Одна из них появилась 4 года назад в "Рассвете", а другая — в первом номере "Пробуждения". Автора рассветовской передовицы москвичи обвиняют в том, что он "солидаризировался" с заявлением Николая Николаевича.

Автор пробужденческой передовицы обвиняется в "занятии враждебной анархизму позиции, сотрудничестве классов во имя религии, в служении буржуазии и церкви под маской культурно-просветительной работы, открыто возражает против всякой революции, против всяких насильственных действий, против буржуазии и помещиков, хотя и не отказывается от насильственных действий вообще".

Кто читал обе передовицы, тот, вероятно, помнит, а если нет, то может опять просмотреть их и убедиться, что они вовсе не носят того смысла, который пытаются им навязать московские критики. Эти критики просто фантазируют и измышляют многие вещи, о которых совсем не упоминается в злополучных статьях.

Можно поэтому только предположить, что Анатолий, Андрей и др. не видали совсем в глаза передовиц и судят о них по наслышке, или же они их читали, не поняли как надлежит, и поэтому превратно истолковали. Это только лишний раз показывает настоятельную необходимость культурно-просветительной работы среди анархистов, не подготовленных еще для того, чтобы правильно понимать прочитанное.

Заканчивают свой протест Костромин, Данила и др. очень энергичным призывом: "Прочь наглый обман, пусть виновники обмана будут заклеймены на всю жизнь! Обманщикам и предателям не должно быть места среди рабочих и крестьян"!

В этом истерическом выкрике нельзя не узнать хорошо известной, ставшей трафаретной, большевицкой фразеологии. И у нас появляется мысль о том, не помогает-ли Аршинову кое-кто из ГПУ сочинять подобные протесты? Слишком уж редакция этих протестов похожа на резолюции против троцкистов, печатаемые в советских газетах.

———x———

Обращает на себя внимание своей претенциозностью статья "На старые темы" Л. Липоткина. Недавно Л. Липоткин на страницах "Д. Т.". расхвалил сам себя за свои ораторские способности.

На сей раз в "Д. Т." он выступает в роли "критика". Критикует он... Малатесту, Себастиана Фора и Волина. Не только критикует, но поучает их уму-разуму.

Из критики нашего рочестерского "теоретика" партийного анархизма можно заключить, что Малатеста, Фор и Волин, осмелившиеся не согласиться с аршиновской "Организационной Платформой", в корне "заблуждаются", и нуждаются в просвещении их Липоткиным.

Совсем не по душе Липоткину толкование анархического учения Малатестой в том смысле, что "в анархических организациях каждый член может исповедывать различные мнения и употреблять любую тактику, лишь бы последние не противоречили принятым принципам и не вредили деятельности других". Подобная философия для аршиновца Липоткина никак уж неприемлема. Ведь Аршиновы и Липоткины для того на свете и существуют, чтобы самим ничего не делать и другим мешать. Не вредить другим, не заниматься дезорганизаторской работой — на это аршиновцы никак не согласятся. Они даже организуют специальную партию дезорганизаторов.

Разносит Липоткин в пух и прах волинский единый анархизм. Фактически аршиновская "Организационная Платформа", — по своему замыслу и идее, очень родственна волинскому синтезу; пожалуй, из него исходит и представляет до некоторой степени грубый вариант волинской идеи.

Не взирая на это, Липоткин, по своему недомыслию, подкапывается под свой собственный фундамент, нападая на единый анархизм, прибегая к аргументам, которые неоднократно выдвигались нами против теорий монистического анархизма (см. ст. в "Волне" "Многообразие и однообразие" и др.) и которые с точно таким-же эффектом могут быть употреблены против аршиновской " однородной программы".

Л. Липоткин совершенно правильно пишет:

"Если иметь в виду жизнь в биологическом смысле, то она действительно синтетична. (Это утверждение спорно **М. С.**). Но жизнь в социально-идеологическом отношении, — а об этом больше всего идет здесь речь, — совсем уж не синтетична! Сказать поэтому, что жизнь синтетична — значит знать жизнь, но не понимать людей. Да, жизнь синтетична, но люди различны! Нет и не может быть (вот именно **М. С.**) двух равных во всем людей. Всякий из людей всегда выявляет **свой** облик, **свой** темперамент. (Курсив автора). И это тем более верно по отношению к идейным людям и, в особенности, к анархистам. Строить, следовательно, единый или синтетический анархизм (а как насчет аршиновского однородоного анархизма? **М. С.**) на том, мол, основании, что жизнь синтетична, значит строить невозможное, строить песочное здание, которое тем скорее распадется, чем ближе оно соприкоснется с социально-идеологической жизнью".

Под всем этим обеими руками подписываюсь. Л. Липоткин еще не безнадежно потерянный человек и у него, повидимому, бывают минуты прояснения. Он — начинает прозревать. Он не верит в чудодейственную силу волинского единого анархизма. Скоро он, вероятно, поймет, что и аршиновская "однородная программа" представляет лишь примитивное повторение волинского синтеза.

———x———

Письмо из СССР подписанное неким "С-н" тоже надо отнести к "литературе", поносящей рассветовцев и пробужденцев. Нами уже указывалось выше на действительное происхождение всех подобных протестов "из Москвы". Форма и содержание письма "С-на" очень уж похожа на все другие подобного рода произведения, фабрикацией которых занимается Аршинов.

В самом деле, трудно себе представить, чтобы русские анархисты, имевшие смутное представление об американском анархическом движении, вдруг все встали, как один человек, на защиту аршиновской клеветы и дезорганизаторской работы. Тут уж непременно видна искусная рука Аршинова, сочиняющего выдуманные им письма от каких-то мифических личностей.

"С-н" (в действительности Аршинов) укоряет Волина и других парижских анархистов, а заодно и аргентинскую Федерацию в том, что они не одобряют его губительной и дезорганизаторской работы. Тут-же лицемерное сожаление о том, что Аршинов все еще остается одним воином в поле и что нет у него "сплоченного и ответственного коллектива", которым он мог-бы командовать.

"Дело Труда", — пишет "С-н", — тысячу раз право сейчас, призывая произвести строгий отбор мобилизации сил (однородных) в русском анархизме. В этом мы вас приветствуем!"

И мы тоже пожелали-бы Аршинову всяческого успеха, да боимся, что никакой мобилизации у него не выйдет. А что он своими диктаторскими замашками и желанием разыгривать роль анархического Муссолини вызвал раскол в парижской группе и разогнал ее, оставшись почти в единственном числе, это— общеизвестный факт.

Всего легче, казалось-бы, создать аршиновский коллектив из однородных элементов, но прошло вот уже несколько лет, а анархической партии все нет, и Аршинов продолжает упражняться в разговорах на эту тему.

Из всего этого можно сделать такой вывод:

— Что-то гнило в аршиновской платформе, если вокруг нее нельзя сплотить даже однородные элементы.

Нашим московским критикам, если таковые в самом деле имеются, не мешало-бы в будущем не делать поспешных заключений на основании каких бы то ни было односторонних сведений. Каждое дело надо хорошенько расследовать, и выносить приговоры по выслушании обеих сторон, а не одного только прокурора. Иначе можно попасть впросак и в смешное положение.

А лучше всего — совсем не вмешиваться в дела, о которых вы имеете смутное представление, и не выносить заочных смертных приговоров. Может быть подобное упрощенное судопроизводство очень удобно для ГПУ, но совсем не к лицу людям, называщим себя анархистами. В Америке, имея смутное представление о новом типе советского анархиста, мы все-таки были о нем более высокого мнения.

———x———

В Аргентине аршиновец Т. Шпигель обратился

через "Д. Т." с открытым письмом к союзам, входящим в Федерацию Российских Рабочих организаций в Южной Америке, в котором он требует бойкота "Рассвета" и "Пробуждения".

Оказывается, что Культурно - Просветительный Кружок Русских Рабочих в Каруэ, к которому принадлежит автор письма, даже вынес резолюцию в этом духе, и представлял ее на обсуждение прошлого с'езда. Но так как большинство аргентинских союзов, вероятно, лучше осведомленных о причинах наших разногласий с парижским "Д. Т.", не пожелало солидаризироваться с резолюцией кружка в Каруэ, то Шпигель вновь ставит на обсуждение вопрос об отношении аргентинской Федерации к "Рассвету" и "Пробуждению".

Какие же причины побуждают Кружок из Каруэ требовать разрыва с нами?

Эти причины следующие: аршиновские статьи в "Д. Т.", его-же письма, брошюра С. Володькина и об'явления в газете. В "Рассвете" и в "Пробуждении" уже много писалось об истинных мотивах злостной, клеветнической кампании, которую ведет против нас Аршинов.

Если кружку в Каруэ эти мотивы до сих пор еще неизвестны, то повторим их опять вкратце.

1). Недоразумения и драка пошли не вследствие каких-то теоретических, принципиальных и тактических разногласий, а главным образом на почве столкновений личного характера. В частности Аршинов очень обиделся на американских анархистов за их протест против него после избиения им А. Горелика.

2). Аршинов ничего не имел против сотрудничества в "Рассвете", после того, как в нем появились об'явления, помещал в нем свои статьи, но ему не нравилось зависимое положение сотрудника, статьи которого к тому-же не всегда оплачивались из-за недостатка средств.

3). Аршинов стремился к созданию собственного органа печати, чтобы чувствовать себя в нем полным хозяином, чтобы иметь таким образом постоянную обеспеченную работу, и чтобы разыгривать из себя маленького царька и Мессию анархического движения.

4). Но так как у Аршинова не было в Париже на кого опереться, то он стал искать публику в обоих Америках, которая снабжала-бы средствами журнальчик и кормила-бы его, Аршинова.

5). А чтобы найти публику, надо было вызвать раскол, разлад и дезорганизацию в американском анархическом движении. С этой целью Аршинов выпустил в свет свою неанархическую, полубольшевицкую "Организационную Платформу", послужившую сигналом для анархической междоусобицы, продолжающейся до сего времени.

6). Брошюра Володькина является плодом мести честолюбивого человека, привыкшего разыгривать роль организационного "лидера", обиженного на рассветовцев за то, что они принудили его переписать записанные на него лично акции газеты на имя общества "Рассвет". Человек этот далеко не принципиальный, невыдержанный, и совсем не такой ярый революционер, каким он изображает себя в своем собственном "произведении".

Революционером его можно считать только разве по недоразумению. Самый обыкновенный мещанин, "пролетарий", раз'езжающий на собственном автомобиле, человек с психологией дельца, пробирающийся из рабочей аристократии в подрядчики, — Володькин принадлежит к числу тех людей, которых, по советской терминологии, именуют кулаками.

Этого человека только Шпигель в Аргентине может причислять к "революционерам", а Аршинов в Париже даже все свое дело против рассветовцев и пробужденцев создавать на основании клеветнических измышлений брошюрки Володькина, которого он, конечно, зачислил в свой орден "отборных анархистов".

А между тем, Володькин в политическом отношении нечистоплотный человек, не имеющий ровно никакого права называть себя ни революционером, ни тем более анархистом.

Когда нибудь станут известны имеющиеся у нас документальные данные, обнаруживающие подлинную физиономию этого сплетника, и тогда аршиновцы, опирающиеся на клеветническую брошюрку Володькина, попадут в большой конфуз...

Голословным и ни на чем не основанным является утверждение Кружка в Каруэ о том, что "Рассвет" и "Пробуждение" руководятся элементами явно враждебно настроенными рабочему, революционному и анархическому движению".

Что это за тонкие намеки на толстые обстоятельства? Кто эти "враги" рабочего движения? Автономов, Карпик, Сук, Рубежанин, Моравский, Эрманд, которые сотрудничали в "Волне", "Американских Известиях", а ныне сотрудничают в "Рассвете" и "Пробуждении"?

Неужели они изменили своим убеждениям и принципам? Если да, то где факты, какие у вас имеются на это доказательства? В чем именно, в каком преступлении и кого именно из них вы обвиняете?

Ведь нельзя-же, товарищи, с такой легкостью бросать людям того не заслуживших, такие серьезные обвинения, не имея на то никаких доказательств кроме разве клеветнических статей, писем и брошюр, сводящих личные счеты!

Пусть аргентинская Федерация еще раз обсудит вопрос об отношении к рассветовцам и пробужденцам, но к нему надо подойти без предвзятой мысли, об'ективно, и вынести свое решение только после выслушания обеих сторон.

Если вы, товарищи, желаете нас судить, то прежде всего сообщите нам в чем именно заключается наша вина, и потребуйте от нас об'яснений. Но никогда не выносите своих решений на основании односторонних "доказательств". Ибо такой ваш приговор будет однобоким и несправедливым.

М. СУК.

Мелкие заметки и сообщения

Книга Маркуса Грагама.

Хорошо известный в американских анархических кругах Маркус Грагам недавно выпустил в свет большую книгу: "Антология революционной поэзии", представляющую собрание 400 наиболее водушевляющих революционных поэм.

По отзывам американской критики, книга заслуживает внимания.

"Азбука Анархизма".

В "Роуд ту Фридом" появилось заявление о выходе в свет нового труда известного анархиста Александра Беркмана "Азбука Анархизма". В этой книге А. Беркман, преломляет в свете опыта русской революции, теорию и практику анархизма, касается средств и путей осуществления анархических идей, и подготовки социальной революции.

Много внимания уделяется таким злободневным вопросам, как отношение анархизма к политике, тред-юнионам, церкви, государству и современной экономике. Хорошо также исследован вопрос о диктатуре пролетариата, который А. Беркман имел возможность основательно изучить во время пребывания в СССР.

Создание Испанской Анархической Федерации.

Из Стубенвилля сообщают, что испанские анархисты, об'единяющиеся вокруг группы „Про Пренса", заканчивают работу по созданию Испанской Анархической Федерации. В недалеком будущем Федерация надеется развернуть свою пропаганду в широком размере. В об'езд по Соединенным Штатам будет послан раз'ездной агитатор.

Международный Комитет Помощи политическим заключенным.

В Вестфильд, Н. Дж., местными анархистами организован Интернациональный Комитет помощи политическим заключенным. Цель его — оказание помощи политическим заключенным во всех странах.

Анархическая молодежь.

В Нью Иорке, при "Интернэшенал Сентр", 149 Ист 23 ул., развивает деятельность группа Анархической молодежи. Этой группой время от времени издается довольно интересная и толковая газета на английском языке „Рейзинг Ют" („Подрастающая молодежь"). Юные анархисты устраивают еженедельные митинги по понедельникам, вечером, в упомянутом помещении. Они призывают молодежь посещать их собрания.

Конференция американских анархистов.

В Кливланд, О., 31 августа, 1 и 2 сентября сего года, состоялась конференция американских анархистов, группирующихся вокруг английского анархического журнала „Роуд ту Фридом" (Путь к свободе).

Кливланд избран местом конференции ввиду удобства сообщения его со всеми пунктами восточных, центральных и средне-западных штатов.

Один из главных вопросов конференции — создание мощного анархического движения среди рабочих, говорящих по-английски.

Дело Гастонских ткачей.

Забастовка на ткацких фабриках в Гастонии, Н. К., всколыхнувшая спавшие доселе рабовладельческие штаты, где беспредельно царит хозяйская эксплоатация, а американская фашистская организация Ку-Клукс-Клан вершит судьбами забитого и подневольного населения, — окончилась, после героической борьбы порабощенных рабов, преданием суду "агитаторов и смутьянов". Всего на скамью подсудимых ткацкие бароны посадили 23-х ткачей. Пятнадцати из них пред'явлено обвинение в убийстве местного полицеймейстера, устроившего погром на лагерь ткачей, выселенных из компанейских квартир. Полицеймейстер был убит защищавшимися от нападения ткачами. Гастонские власти требуют казни взбунтовавшихся ткачей. Подготовляется новое преступление, очень напоминающее дело Сакко и Ванцетти. Американским трудящимся надо выступить на защиту заточенных ткачей, расстроить преступные планы буржуазии и вырвать из ее когтей жертвы, над головами которых уже занес свою руку палач.

Сентралийское дело.

В Валла-Валла штатной тюрьме, в штате Вашингтон, в продолжение десяти лет томятся 10 индустриалистов, заточенных на долгие годы по Сентралийскому делу. Это — тоже жертвы американского "правосудия". Их судили за то, что они отражали нападение на помещение своего клуба, произведенное опьяненными патриотизмом и военным угаром американскими легионерами. Не довольствуясь разбойным нападением на клуб и линчем одного из индустриалистов, сентралийские патриоты жестоко отомстили индустриалистам, предав их суду и осудив на долгие сроки за преступление, спровоцированное обезумевшими легионерами.

Томятся в американских тюрьмах Муни, Билингс и многие другие жертвы классовой мести, запрятанные на долгие сроки, заживо погребенные.

Долг всех сознательных рабочих протестовать против медленного истребления в тюрьмах жертв капиталистического произвола, и требовать их немедленного освобождения. Везде надо агитировать и кричать — свободу узникам!

Пример, достойный подражания.

Недавно, в Блейр Стейшон, Па., состоялась конференция испанских анархистов. Заслуживают быть отмеченными следующие постановления:

1) Конференция одобрила тактику вступления анархистов в испанские реакционные организации с целью привития в них анархических идей.

2) Конференция одобрила предложение о том, чтобы каждый анархист ежемесячно пожертвовал свой однодневный заработок на поддержание анархической печати.

Школьная конференция.

В Стелтон, Н. Дж., в первых числах июня месяца сего года состоялась конференция школы свободного воспитания имени Франциско Феррера. Конференция прошла с большим успехом. Выступали с докладами сторонники свободнического воспитания местные, приезжие и даже д-р Дж. Л. Марино из Австрии.

В основу воспитания в этой школе положены идеи Франциско Феррера.

Предложение Оптона Синклера.

Известный американский писатель Оптон Синклер предлагает ежегодно устраивать в Бостоне повторение судебного процесса Сакко и Ванцетти. По его мысли, надо снять большую залу, и в ней поставить пьесу "Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти." Участники этого процесса —актеры будут читать известные места из дела Сакко и Ванцетти. Если власти арестуют актеров, то их судебный процесс можно будет связать с делом Сакко и Ванцетти.

Где итальянские анархисты Геззи и Петрини?

Международная Ассоциация Рабочих ведет энергичную кампанию за освобождение двух итальянских анархистов Геззи и Петрини, арестованных ГПУ в СССР. Эти анархисты, вырвавшиеся из цепких лап Муссолини, искали убежища в СССР. Они были допущены советским правительством в страну, как анархисты. Недавно стало известно об аресте Геззи, и о загадочном исчезновении Петрини. Международная Ассоциация Рабочих обращалась с телеграфным запросом к председателю Совнаркома и в берлинское советское посольство, но ответа не получила. Пока не удалось установить — остаются-ли в живых арестованные анархисты и какая их ожидает судьба.

Международная Ассоциация Рабочих снова послала резкий протест в Москву Рыкову с требованием об'яснения причин — за что преследуют этих двух итальянских анархистов.

В протесте отмечается одно характерное совпадение: Геззи был арестован в Москве в момент прибытия итальянского фашистского флота в Одессу под командой известного фашистского генерала Итало Бабло (одного из участников убийства социалиста Матеотти), которого советское правительство встречало с большими почестями.

В Аргентине украинские анархисты издают анархическую газету.

В Буэнос Айрес, как нам сообщают из Аргентины, вышел первый номер украинской анархической газеты "Проминь" (Луч), издаваемой группой украинских анархистов, находящихся в связи с Федерацией Российских Рабочих Организаций в Южной Америке, группирующихся вокруг "Голос Труда".

В последнее время усилилась иммиграция украинцев в Аргентину. Новые иммигранты, не знающие страны и языка, попадают в самые отвратительные условия жизни. Им приходится исполнять самые тяжелые и опасные работы и подвергаться безжалостной эксплоатации. Многие из них не могут получить никакой работы и ходят толпами по городу, попрошайничая и питаясь отбросами из сорных ящиков.

Бедные иммигранты, в поисках выхода, бросаются во все стороны. Разные политические партии, в особенности большевики, пытаются использовать недовольство в своих партийных интересах. Группа украинских анархистов задалась целью расширить свою пропаганду, и с этой целью приступила к изданию газеты. В передовой статье "Наши задачи" автор передовицы обещает быть „об'ективным в освещении всех правдиво - полезных начинаний, кем бы они ни проводились в жизнь".

„Мы не верим в то, — пишет дальше автор передовой статьи — что кто-то нас освободит из неволи, нужды и темноты, в которых нам приходится жить в настоящее время. Мы должны всегда помнить, что „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих".

Аргентинские товарищи просят интересующихся новой украинской газетой списаться по адресу:

N. Chalovsky, Correo Central: Casilla 1752 (Проминь).
Buenos Aires. Rep. Argentina.

ОПЕЧАТКИ.

В статьях Жан Грава, помещенных в прошлом номере "Пробуждения", вкрались следующие опечатки.

В статье "На Распутьи"

	Напечатано	Должно быть
1 стр. 2-я строка	общество будущее	общество будущего
1 стр. 20-я строка	к идейному выступлению масс	к идейному воспитанию (!) масс
3 стр. 34 строка	нужно будет отправить в Отель-де-Виль	нужно будет отправиться в отель-де-Виль
3 стр. II столбец 14 стр.	они заявляют	они забывают
4 стр. 29 строка	небрежной манере, в которой	с которой
5 стр. II столбец стр. 8	я и (?) сказал бы даже	я сказал бы даже
6 стр. 15 строка	и то при условиях, где (?)	при условии, что
6 стр. 45 строка	и не стараться	и стараться

В статье "Экономический крах большевизма"

	Напечатано	Должно быть
8 стр. 43 стр.	на чисто франц. языке	на чистом фр. языке
9 стр. II столбец 45 стр.	обыкновенных (?) прохвостов	обнаглевших прохвостов

Открыта подписка
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными организациями Северной Америки.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР
ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"
9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом
Редакционная Коллегия.